

Пролетарская Культура.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Издание Государственного Издательства.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 11 до 1 ч. дня

№ 2.

И ю л ь.

1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Национализм и социализм. — В. Полянский. Наша критика. — А. Бовданов. Рабочий клуб. — Ф. Калинин. Идеал воспитания. — А. Бовданов. К вызову всеросс. конф. прол.-к.-пр. организаций. Тезисы докладов: Революция и культурные задачи пролетариата. — В. Полянский. Наука и рабочий класс. — А. Бовданов. Пролетариат и искусство. — А. Луначарский. Идеалы социалистического воспитания. — Н. Ульянова (Н. Крупская). Железный мессия. — В. Кириллов. Похороны. — А. Померский. Чудеса работы. — А. Гастев. Хроника «Пролеткульта»: Втор. конф. Петрогр. «Пролеткульта». — П. Л. В провинции. — Ст. Крицков. Библиография: Литерат. Альманах. — В. П. К. Тимирязев. Красное Знамя. — А. О. Известия Москов. Пролет. Унта. — С. Д.

Национализм и социализм.

После великой революционной бури, пронесшейся над Европой, — бури, рожденной в народном движении 1789 года во Франции, в социальной жизни выступают два определенно очерченных и резко враждебных начала: национализм и социализм.

Революционный порыв буржуазии с ее декларацией прав человека и гражданина, с ее торжественными гимнами свободе и равенству, после 1848 года, когда пролетариат заговорил о своих социальных интересах, начинает быстро падать. Идеалы свободы и человечности в связи с развитием капиталистического хозяйства подменяются идеалами национальной политической свободы. Первоначальное стремление к экономической независимости от других народов, опять-таки в силу требований капиталистического хозяйства, постепенно, но неуклонно превращается в современный национализм, самый пошлый, самый агрессивный в последние годы, — в национализм-империализм. Крупная индустрия передовых капиталистических стран, с одной стороны, нуждается для целей производства в самом разнообразном сыром материале; с другой стороны, в рынках, куда бы можно было направлять как свои продукты, так и капиталы, если они остаются неиспользованными внутри своего государства. Вот эта хозяйственная сторона дела, как раз и заставила забыть буржуазные классы о своих великих лозунгах «братства, равенства и свободы», которыми были подкуплены народные массы, и превратиться в алчных капиталистических хищников, порабащивающих слабые народности под флагом национального развития и процветания и приобщения их к высшей культуре.

В то время, как буржуазия выдвигает основной элемент своей культуры — национализм, низшие слои населения и, главным образом, конечно, рабочий класс, создает свое евангелие — социализм. В самый год революции 1848 года появляется написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом «Коммунистический Манифест». В нем авторы со всей решительностью заявляют, что «пролетарии не имеют отечества». Разбивая идеологию национализма, прикрывающего интересы буржуазии, они показывают, что самый первый и главный враг рабочего класса всех стран это капи-

тал как в национальном, так и в международном масштабе. Это был логический вывод из изучения законов развития капитала, требующего для своего существования прибавочной стоимости, а, следовательно, и эксплуатации рабочей силы широких народных масс.

В первые годы молодой буржуазной культуры, когда капитал, разрушая остатки феодально-крепостного хозяйства и средневековой религиозной идеологии, выполнял революционную роль и выражал ее в своем ярко-революционном миросозерцании, национализм не носил звериного облика.

Шиллер в одном из своих писем к Кернеру писал: «Интересы отечества играют роль в жизни незрелых наций атой мировой молодежи. Писать для нации—идеал жалкий, мелочный. Философ способен воодушевиться чем-нибудь национальным лишь постольку, поскольку данная нация или касающиеся ее события важны для прогресса».

То же самое думал и Гете. «На известной степени развития национальная ненависть исчезает совершенно. Люди перерастают нацию и ощущают горести и радости соседей, как свои собственные. Такая степень культуры соответствует моему характеру»,—говорил Гете Эккерману.

Высоко гуманитарными и космополитическими тенденциями, направленными к поднятню немецкого духа, а потом и всего человечества, проникнуто учение Фихте, великого энтузиаста Германии того времени. Грубо материалистическое национальное чувство чуждо его «Учению о науке», «Основоположениям нашего века» и «Речам к немецкому народу». Фихте жестоко и беспощадно бичевал «особый прусский патриотизм».

Буржуазная культура по существу своему анархична и индивидуалистична, как сам капиталистический строй. Она развивает эти основные свои тенденции не только в идеологии и характере отдельного человека или класса, но и целого государства, как индивида. На первой стадии своего развития, когда капитал не успел достаточно окрепнуть в той или другой стране и обнаружить свое стремление стать интернациональным, когда еще не успела обнаружиться во всей своей наготе классовая борьба, национализм носит налет космополитизма. После, когда законы рынка и обмена сталкивают национальные капиталистические хозяйства и втягивают их в борьбу за экономическое преобладание, благороздство фразы слетает с буржуазных теорий, как блестящая, но дешевая мишура, и национализм уже приобретает облик Висмарка, в наши дни облик Шейдемана, Тома, Плеханова или Потресова, выдвинувшего теорию о государстве левинафае, как этапе от культуры национализма к культуре социалистического интернационализма.

Как сильные и глубоки националистические тенденции буржуазной культуры, видно хотя бы из того, что лучшие представители международного социализма в годы мировой войны, устроенной империалистическими разбойниками, встали на их сторону.

Они оказались всецело в сетях их национально-индивидуалистического миропонимания. Им стали непонятны непреложные истины Коммунистического Манифеста: «Теперь, благодаря развитию буржуазии, свободе торговли, всемирному рынку, единообразию способов производства и соответствующих им жизненных отношений, национальная обособленность и противоположность интересов различных народов все больше и больше исчезают».

Они забыли, с каким подъемом, проникнутым революционной энергией, Вильгельм Либкнехт, развивая идеи Манифеста, говорил на Марсельском конгрессе 1892 года: «Для нас, социалистов, нет вопроса о национальности; нам известны только две нации: нация капиталистов, буржуазии, господствующих классов, с одной стороны, и с другой стороны, нация обездоленных, трудящегося класса. Рабочие всех стран образуют одну нацию, которая противостоит другой, также единой и одинаковой во всех странах».

Эту точку зрения до своей политической смерти защищал и Г. Плеханов. В № 2 «Дневника Социал-демократа» в 1905 году он блестяще доказывал, что слова «пролетарии не имеют отечества» написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят уничтожить отечество. Ясно, стало-быть, что у авторов речь шла об «отечестве», понимаемом в совершенно определенном

смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи... Это «пролетарии не имеют отечества» было справедливо в то время... останется справедливым теперь... и на будущее время, как бы ни были велики те политические завоевания, которые еще предстоит сделать рабочему классу». Теперь он это забыл и посылает с национально-идеалистической идеологией Канта, отшвырнув Маркса, как ненужную ветошь.

В то время, как старое поколение социалистов, выросшее в условиях молодой буржуазной культуры, в лице Плеханова, Аксельрода, Гэда, Вандельвейде и других, не сумело в охватившем мир кровавом кошмаре вырваться из пут идеологии националистической буржуазной культуры, теплившей долгие годы под непрочным, чисто головным усвоением ими марксизма, молодое поколение социалистов, — Ф. Адлер, К. Либкнехт, Маклин, рабочая молодежь почти на всем земном шаре сразу отказались от национализма, встав в ряды интернационалистов, усилиями которых, в конце-концов, будет опрокинут и раздавлен кровавожадный мох войны, воздвигнутый на всех путях и заставах международным капиталом. Молодое поколение выросло в условиях жестокой классовой борьбы. Никакие иллюзии специфически национальной культуры (национального единства, независимости и т. п.) о ее облагораживающей роли народного духа не могли его обмануть. Горькая действительность всегда и сразу раскрывала подлинное существо дела. Но поскольку крепко было знание старой культуры, эти пионеры новой жизни, ближайшие предшественники Нового Человека, не смогли поколебать и ослабить веками воспринятую националистическую психологию. Нужна была великая катастрофа. Разрушая капитализм, она убивает одновременно и его дитя — национализм. До сих пор народы, воспитанные в условиях националистической культуры, всегда противопоставляли свои интересы интересам других народов, и национальный вопрос, как вопрос борьбы культур тех или других народов, усложненный многими теоретическими соображениями, казался совершенно неразрешимым.

Нужна была Великая русская революция. В своем мировом размахе, выдвинув лозунг мира между народами, при условии самоопределения народов, вплоть до отделения их от государственного организма, к которому данный народ насильственно был присоединен когда-то сильнейшим, наша революция сразу дала почву для разрешения вопроса.

Значительно раньше один из виднейших австрийских теоретиков национального вопроса, К. Шпрингер писал: «После того, как полное обособление сделает свое дело, оно станет излишним, и его можно будет заменить относительным участием. Теперь нации превратно связаны друг с другом; следует их освободить друг от друга, а они уже сумеют потом снова разумно соединиться».

При этом процессе разумного соединения живем мы сейчас. В первые моменты революции угнетаемые паризмом народы, при первом взмахе свободы, потребовали себе прав широкой автономии, они противопоставили себя империалистической Великобритании. Когда же октябрьская революция дала им полное право на существование, как самостоятельных республик, контр-революционное движение внутри наций наглядным образом показало, что в мире есть только две нации: капиталисты и пролетарии. Когда пролетариат всех национальностей вместе борется против отрядов контр-революции, снова выдвигается лозунг совместной политики, внутренней и внешней, как то выдвигала советская власть на Украине и в Финляндии. Мы, коммунисты-большевики, никогда не были федералистами в капиталистическом государстве; мы знали, что это ведет в общем к ослаблению пролетарских сил и к усилению буржуазно-националистической культуры, но мы охотно идем навстречу желаниям народных масс жить жизнью отдельного государства, так как прекрасно понимаем, что происходящая социальная революция в борьбе против буржуазии вынудит пролетариат разных стран на самый тесный и крепкий союз для борьбы за свой конечный идеал — социализм, как новую общечеловеческую культуру.

Для того, чтобы пролетариат оказался в состоянии бороться с империализмом как хозяйственной и идеологической системой, ему необходимо объединить свои политические, экономические и культурно-просветительные организации в междуна-

родном масштабе на основе своего революционного мирозерцания—интернационального социализма. Необходимо, кроме того, преисполнить пролетариат моральной энергией, социальным идеализмом, духом солидарности и самопожертвования, которые для достижения цели рабочего класса столько же важны, как знание.

В № 1 журнала «Интернационал» Роза Люксембург писала: «Германская социал-демократия в течение 50 лет пожинала богатые плоды марксистской науки. Но поставленная перед великим историческим испытанием, которое она предвидела с точностью естествоиспытателя во всех существенных чертах, она оказалась лишенной другого жизненного элемента рабочего движения: действительной воли. Историю надо не только понимать, но делать».

А для этого нужна какая-то могучая, живая определяющая волю сила: чувство солидарности и творческий порыв пролетариата. Эта сила интересы личности подчиняет интересам класса, интересы нации—интересам человечества.

Коллективное творчество и социалистическое общечеловеческое должны обнять все стороны жизни пролетария и вырвать его из плена старых идей и чувств, которые отнимают крылья у нашей пропаганды, притягательную силу цельности и ясности и приносят пользу только нашим врагам.

Словом, пролетариат должен разбивать камень за камнем здание националистической культуры капитала.

Этот период наступил. Новая культура закладывает свой фундамент. Буржуазный мир, уходя в историю, уводит в даль веков и национализм. На смену ему придет интернационализм не только как теория, но как подлинная социалистическая культура со всеми ее особенностями.

Путь этого шествия обогретен кровью павших в великой борьбе за новый мир товарищей, но зато наступление социализма, создавая общую собственность, общую власть и общую ответственность, будет облегчением всех людей. «Одни,—как писал Ж. Жюрес в «Человечестве» от 13-го авг. 1905 г.,—накануне еще бывшие рабами и подвергшиеся эксплуатации, будут избавлены тогда от бремени нищеты, непомерной работы, слепого невежества и завистливого, но беспокойного вожделения... Утешение и радость бесчисленных тонких побуждений будут доступны уму и сознанию каждого, и люди не будут более страдать от побуждений собственного сердца. Вот тогда действительно воссияет дивный свет... Широкой волной польется он и через расширившиеся окна бедных жилищ, и через доверчиво открытые окна богатей, которые тогда сбросят с себя гордость своего господства, и через широкие просветы заводов, оживленных братским свободным трудом. Он проникнет во все «квадрионы и зальет собой все, он будет гореть во всех сердцах и светиться во всех глазах».

Валерьян Полянский.

Наша критика.

Статья первая: О художественном наследстве.

Две грандиозные задачи стоят перед рабочим классом в сфере искусства. Первая—самостоятельное творчество: сознать себя и мир в стройных живых образах, организовать свои духовные силы в художественной форме. Вторая—получение наследства: овладеть сокровищами искусства, которые созданы прошлым, сделать своим все великое и прекрасное в них, не подчиняясь отразившемуся в них духу буржуазного и феодального общества. Эта вторая задача не менее трудна, чем первая. Исследуем общие способы ее решения.

I.

Верующий человек, серьезно и внимательно изучающий чужую религию, подвергается опасности совершить в нее или усвоить из нее что-нибудь еретическое

с точки зрения его собственной веры. Так, ученые христиане, исследователи буддизма, случалось не раз, делали сами буддистами вполне или последователями нравственного учения буддизма; но бывало и обратное. А допустим, те же религиозные системы изучает свободный мыслитель, который во всех религиях видит проявление поэтического творчества народов; это—не полная истина, но часть ее. Угрожает ли ему такая опасность, как верующему ученому? Конечно, нет. Он может с величайшим восторгом воспринимать красоты и глубины учений, покоривших себе сотни миллионов людей; но он воспринимает их не с религиозной, а с иной, высшей точки зрения. Огромное богатство мысли и чувства, организованное в буддизме, даст его сердцу и уму, наверное, больше, чем уму и сердцу ученого христианина, который, изучая, не может отделаться от скрытого сопротивления собственной веры, борющейся против «соблазна» чужой; но именно соблазна стать верующим буддистом для свободного мыслителя тут не существует, потому что не таков механизм его сознания, по-своему перерабатывающий религиозный материал.

И христианин, и свободный мыслитель воспринимают буддизм «критически». Коренная же разница заключается в самом *типе* их критики, в ее основах—«критериях». Верующий не стоит выше предмета своего изучения, а приблизительно на одном уровне с ним. Он критикует с точки зрения своей догмы и своего чувства, ищет противоречий в чужих мифах, культе, моральных откровениях и, находя эти противоречия, неспособен оценить часто скрытую за ними поэтическую или жизненную правду; а если проникнет в нее, то поспешит противоречием с самим собой—«свалит в соблазн». Для него буддизм не может явиться культурным наследием чуждого мира; а если он сочувственно воспримет эту веру,—она подчинит его и заставит отказаться от прежней.

Немногом лучше обстоит дело для свирепого атеиста, представителя прогрессивного, но не вполне разившегося буржуазного сознания, который во всякой религии видит только суеверие и обман. Это—«верующий на-выворот»; он лишь настолько выше религии, чтобы отвергнуть ее, но не настолько, чтобы понять ее. Для него она тоже—не наследство, а в худшем случае и соблазн,—если он почувствует, что она не только обман и суеверие, но не поймет, что же именно.

В ином положении наш свободный мыслитель, представитель высшей ступени, какой способно достигнуть буржуазное сознание. Его понимание религиозного творчества, как народно-поэтического, позволяет ему, в пределах этой точки зрения, вполне свободно и беспристрастно оценивать свой предмет. Для него не будет тяжелым внутренним противоречием увидеть, что, напр., по глубине идей законы Ману древних арийцев стоят во многом выше и древнего, и новейшего христианства, а их отношение к смерти, выраженное в погребальных обрядах, по благородству, величью и красоте превосходит христианское вне сравнений. Он, свободный от религиозного сознания вообще и ведущий борьбу против него всюду, где оно затемняет мысль и извращает волю людей, он в то же время в силах сделать для себя и для других все религии ценным культурным наследием.

Отношение пролетария ко всей культуре прошлого, культуре мира буржуазного и мира феодального, проходит подобные же ступени. Вначале она для него—просто культура, культура вообще; иной по существу он ее и не представляет. В ее науке и философии могут быть заблуждения, в ее искусстве—неверные мотивы, в ее морали и праве—несправедливости; но все это для него не связано с ее существом, это ее ошибки, уклонения, несовершенства, которые прогресс ее должен исправить. Если затем он и замечает в ней «буржуазность» и «аристократизм», то он понимает то и другое лишь в смысле *защиты интересов* господствующих классов, защиты, фальсифицирующей культуру; самые методы и точка зрения этой культуры—ее сущность—не подвергается для него сомнению. Он всецело стоит на ее почве, и, стараясь усвоить «то, что в ней есть хорошего», не защищен против нее даже настолько, насколько защищен от соблазнов христианства буддист или браманист, его изучающий, и обратно. Он и проштывается старыми способами мыслить и чувствовать, всем основанным на них отношением к миру. Своя, пролетарски-классовая точка зрения удерживается у него лишь там и постольку, где и постольку достаточно ясно и достаточно властно говорит голос *классового интереса*. Когда нет такой ясности и убедительности, а жизненный вопрос труден и сложен, особенно

если он еще нов, тогда он решается не самостоятельно: либо просто берется готовое чужое решение из окружающей социальной среды, либо даже классовый пролетарский интерес освещается и понимается с чужой точки зрения. То и другое ярко обнаружилось в отношении рабочей интеллигенции европейских стран к мировой войне, когда она разразилась: одни, почти не рассуждая, отделись волне патриотизма, другие сумели «сознать», что высшие интересы рабочего класса требуют единения с буржуазией для защиты и спасения отечества и отечественного производства; ибо «крушение того и другого отбросило бы рабочий класс в всю цивилизацию далеко назад».

На этом грандиозно-жестоким опыте вполне выясняется, что при невыработанности своего мироотношения, своих способов мышления, своей всеобъемлющей точки зрения, не пролетарий овладевает культурой прошлого, как своим наследством, а она овладевает им, как человеческим материалом для своих задач.

Если пролетарий, убедившись в этом, придет к голому, анархическому отрицанию старой культуры, т. е. откажется от наследства, то он занимает позицию чуждого атеиста по отношению к религиозному наследству, но опять-таки в еще ухудшенном смысле: ибо обойтись без понимания религий буржуазному атеисту все же практически возможно, у него уже есть иные культурные опоры, пострадавшие только широта его мысли и размах творчества. Рабочий же тогда оказывается не в силах противопоставить богатой, выработанной культуре враждебного стана ничего сколько-нибудь равносильного; ибо создать всецело заново нечто подобное по масштабу он не может. Она остается превосходным орудием и оружием в руках его врагов—против него.

Вывод ясен. Рабочему классу необходимо найти, выработать и провести до конца точку зрения, высшую по отношению ко всей культуре прошлого, как точка зрения свободного мыслителя по отношению к миру религий. Тогда станет возможно овладеть этой культурой, не подчиняясь ей—сделать ее орудием строительства новой жизни и оружием борьбы против самого же старого общества.

II.

Начало такому овладению духовными силами старого мира положил Карл Маркс. Переворот, произведенный им в области общественных наук и социальной философии, заключался в том, что он пересмотрел их основные методы и добытые результаты с новой высшей точки зрения, которая и была пролетарски-классовой. Девять десятых, если не больше, не только материалов для своего титанического задания, но и приемов их разработки Маркс взял из буржуазных источников: буржуазная классическая экономия, отчеты английской фабричной инспекции, мелкобуржуазная критика капитала у Сисмонди и Прудона, да в сущности и почти весь интеллигентский социализм утопистов, диалектика немецкого идеализма, материализм французских просветителей и Фейербаха, социально-классовые построения французских историков и гениальные описания классовой психологии у Бальзака, и т. д., и т. д. Все это выступило в ином виде и сложилось в новую связь, преобразилось в орудие строительства пролетарской организации, в оружие борьбы против господства капитала.

Как могло произойти такое чудо?

Маркс установил, что общество прежде всего есть организация производства, что в этом основа всех законов его жизни, всего развития его форм. Это—точка зрения социально-производящего класса, *точка зрения трудового коллектива*. Исходя из нее, Маркс подверг критике науку прошлого и, очистив ее материал, переплавив его в огне своей идеи, создал из него пролетарское знание—научный социализм.

Итак, вот способ, которым результаты культурного творчества прошлого были превращены в действительное наследство рабочего класса: *критическая переработка с коллективно-трудовой точки зрения*. Так понимал дело и сам Маркс; недаром свою главную работу, «Капитал», он назвал «Критикой политической экономии».

И это относится отнюдь не только к общественным наукам. Во всех других областях точно так же методом получения и усвоения культурного наследства является *наша критика*, пролетарски-классовая.

III.

Раскроем полнее основу нашей критики—смысл и сущность коллективно-трудовой точки зрения.

Общественный процесс разлагается на три момента или, пожалуй, точнее, имеет три стороны: техническую, экономическую, идеологическую. В технической обществу борется с природой и подчиняет ее, т.-е. *организует внешний мир* в интересах своей жизни и развития. В экономической—отношениях сотрудничества и распределения между людьми—оно *само организуется* для этой борьбы с природой. В идеологической оно *организует свой опыт, свои переживания*, создавая из этого *организационные орудия* для всей своей жизни и развития. Следовательно, всякая задача в технике, в экономике, в сфере духовной культуры есть задача *организационная* и притом *социальная*.

Исключений тут нет и быть не может. Пусть армия ставит своей целью разрушение, истребление, дезорганизацию. Но тогда это не есть конечная цель, а *средство*; для чего? для того, чтобы реорганизовать мир в интересах коллектива, которому армия принадлежит. Пусть индивидуалист-художник воображает, что он творит для себя и из себя; но если бы он творил действительно только для себя, а не организовал переживания некоторого коллектива, то его творчество никому, кроме него, и не было бы нужно, оно так же не относилось бы к духовной культуре, как не относятся к ней ускользающие, непередаваемые, хотя бы и красивые грезы сновидений; и если бы он творил только из себя, не пользуясь материалом, способами его обработки, воплощения и выражения, полученными из социальной среды, то он ровно ничего и не создал бы.

Итак, коллективно-трудовая точка зрения есть *все-организационная*. Иной и не может быть точка зрения рабочего класса, который организует внешнюю материю в продукт—в своем труде, себя самого в творческий и боевой коллектив—в своем сотрудничестве и классовой борьбе, свой опыт в классовое сознание—во всем своем быту и творчестве, и которому история поручает миссию—стройно и целостно организовать всю жизнь всего человечества.

IV.

Вернемся к нашей первой иллюстрации. Может ли, должен ли весь мир религиозного творчества стать культурным наследством для рабочего класса, против которого всякая религия до сих пор явно служит орудием порабощения? Какая ему польза в таком наследстве, что ему с ним делать?

Наша критика дает ясный и исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Религия есть решение идеологической задачи для определенного типа коллектива, именно—авторитарного. Это—коллектив, построенный на авторитарном сотрудничестве, на руководящей роли одних, исполнительской роли других, на власти-подчинении. Такова была патриархальная родовая община, таково феодалное общество, такова крепостная и рабовладельческая организация, полицейско-бюрократическое государство; такой же характер имеет современная армия, а в малом масштабе—и мешанская семья; и, наконец, на власти-подчинении строят и капитал свои предприятия.

В чем заключается организационная задача идеологии? Стройно и целостно организовать опыт коллектива, в таком соответствии с его устройством, чтобы полученные культурные продукты сами служили, в свою очередь, организационными орудиями для него, т.-е. сохраняли, оформливали, закрепляли, развивали дальше данный тип организации коллектива. И легко понять, как все это складывается в авторитарном строе жизни.

Этот строй просто переносится в область опыта и мысли. Всякое действие, стихийное или человеческое, всякое явление представляется как сочетание двух звеньев: организаторской, активной воли и пассивного исполнения. Весь мир мыслится по образу и подобию авторитарного общества, с верховным авторитетом, «божеством» над ним, и при усложнении авторитарной связи, с цепью подчиненных ему авторитетов, одних за другими, низших богов, «полубогов», «святых» и т. д., руководящих разными областями или сторонами жизни. И все эти представления пропитываются авторитарными чувствами, настроениями: преклонением, покорностью, почтительным страхом. Таково религиозное мироотношение: это просто—авторитарная идеология.

Вполне понятно, какое это совершенное организационное орудие для авторитарного строя жизни. Религия прямо вводит человека в этот строй, ставит на определенное место в его системе и дисциплинирует его для выполнения той роли, какая ему в этой системе предугазана. В единстве чувства, мысли и практики личность органически сливается со своим социальным целым. Оно приобретает неразрушимую прочную снайку.

Форма религиозного творчества по преимуществу поэтическая, как это правильно заметил наш свободный мыслитель, не уловивший, однако, главного—социального содержания религии. На тех ступенях развития, когда религии складываются, поэзия еще не обособилась от практического и теоретического знания, еще охватывает их своей оболочкой. А религия тогда включает в себе все и всякое знание, организует весь опыт людей; познание вообще понимается тогда как откровение, прямо или через посредников исходящее от божества.

Каким же, в конце концов, наследством является религиозная культура для рабочего класса? Очень важным и ценным. Пройдя через его критику, она становится для него орудием не поддержания, а *понимания* всего авторитарного в жизни. Авторитарный мир отжил, но не умер; его пережитки окружают нас со всех сторон, то открыто, а то—все чаще и чаще—скрываясь во всевозможных, иногда самых неожиданных защитных переодеваниях. Чтобы победить такого врага, надо его знать глубоко и серьезно.

Дело не только в том, чтобы опровергать религиозные учения; хотя и в этом располагающий новой критикой рабочий окажется вооружен неизмеримо лучше свирепого, но наивного атеиста, который опровергает чужую веру логическими выкладками или детскими утверждениями, что религию выдумали поны для обмана народа. Еще важнее то, что обладание этим наследством дает возможность правильно оценить значение авторитарных элементов нынешнего общества, их взаимную связь и отношение к социальному развитию.

Если религия есть орудие сохранения авторитарной организации, то ясно, что, напр., в отношениях классов религиозность рабочих есть средство закрепления их подчиненности, средство поддержания в них той стороны дисциплины, которая нужна господствующим для обеспеченной эксплуатации,—что бы ни говорили об этом разные верующие социалисты. Ясно, что принятая во многих рабочих партиях формула—«религия есть частное дело»—не более, как временный политический компромисс, на котором нельзя остановиться. Понятным становится постоянный союз сабли и рьсы, военщины и церкви: тут и там строго авторитарные организации. Объясняется и привязанность мещанской или крестьянской патриархальной семьи к религии, к «закоу божью», а вместе с тем обнаруживается и огромная опасность этой сохраняющейся авторитарной ячейки для социального прогресса. В новом свете выступает роль партийных вождей—авторитетов—и значение коллективного контроля над ними, и т. д., и т. д.

А затем еще—все художественное богатство народного опыта, кристаллизованного во всевозможных священных преданиях и писаниях,—картины чуждой, своеобразной, по-своему стройной жизни, расширяющие горизонт человека, глубоко вводящие в мировое движение человечества, толкающие к новому, самостоятельному, не связанному привычной обстановкой и привычками мысли творчеству...

Стоит ли рабочему классу брать религиозное наследство?

V.

Я нарочно начал с более спорного и трудного. Так легче справиться с нашей главной задачей—вопросом о художественном наследии прошлого. Ясно, что оружие, посредством которого рабочий класс может и должен овладеть им, есть та же наша критика, с ее новой, все-организационной, коллективно-трудовой точкой зрения.

Как подходит она здесь к своему предмету?

Душой художественного произведения является то, что называют его «художественной идеей». Это—его замысел и сущность его выполнения, или задача и принцип ее решения. Какого же рода эта задача? Теперь мы знаем: как бы ни смотрел на нее сам художник, но в действительности она есть всегда задача *организационная*. И притом в двух смыслах: во-1) дело идет о том, чтобы стройно и целостно организовать некоторую сумму элементов жизни, опыта; во-2) о том, чтобы созданное таким образом целое само служило орудием организации для некоторого коллектива. Если налицо нет первого, то перед нами не искусство, а нескладница; если нет второго, то произведение никому, кроме автора, не интересно, и ни для чего не нужно.

Иллюстрацией мы возьмем одно из величайших произведений мировой литературы, прекраснейший бриллиант старого-культурного наследства—«Гамлет» Шекспира.

В чем состоит его художественная идея? Это—постановка и решение организационной задачи о человеческой душе, которая раздвигается тяжелым жизненным противоречием между стремлением к счастью, любви, к гармонической жизни и между необходимостью вести мучительную, суровую, беспощадную борьбу. Как выйти из этого противоречия, как примирить его? Каким способом достигнуть того, чтобы жажда гармонии не расслабляла человека в неизбежных боях жизни, не отнимала нужных для этого сил, твердости, хладнокровия и чтобы в то же время вынужденная жестокость ударов, кровь и грязь наносимых ран не разрушали всю радость, всю красоту бытия? Как восстановить связь и цельность души, разрываемой надвое резким столкновением между ее глубочайшей, высшей потребностью и властным требованием, которое диктуется враждебностью окружающей среды?

И мы сразу видим, как грандиозно широк масштаб этой организационной задачи, как огромно ее общечеловеческое значение. Она относится, конечно, вовсе не только к датскому принцу Гамлету и не к многочисленным «гамлетам» и «гамлетикам» нашей обывательщины и нашей литературы. Эта задача—неизбежный момент в развитии каждого человека; у кого есть силы решить ее, того она поднимает на более высокую ступень самосознания; у кого их не хватает, для того она становится источником духовного крушения, иногда и гибели. Быть может, всего острее этот трагизм проникает в душу идеалиста-пролетария, и даже более—в коллективную психику рабочего класса. Братство—его идеал; гармония жизни всего человечества—его высшая цель; но как далека от этого окружающая среда, какую тяжелую, иногда мрачно жестокою борьбу она ему навязывает, под угрозой потери всего, достигнутого прежними несчетными усилиями, потери его социального достоинства и самого смысла жизни. Мало радостей дано ему, и велика жажда их; но и то немногое, что есть, постоянно угрожает отнять или отравить неотвратимая стихийность социальной вражды и анархии; в ожесточении борьбы, в отчаянии поражений и бешенстве ответных ударов не подрывается ли в корне самая способность любить и радоваться?

Трагедия Гамлета разворачивается на такой основе. Он—человек богато одаренный, с тонкой артистической натурой и в то же время избалованный жизнью. Воспитание принца—наследника трона, несколько лет студенческих странствований по Германии, наслаждений всем, что дают занятия науками и искусством с одной стороны, жизнерадостная товарищеская среда—с другой; наконец, к моменту завязки, светлая, поэтичная любовь к Офелии... Редко кому на свете достается су-

ществование, настолько полное счастья и гармонии. Гамлет к нему привык, иного не испытал и представить себе не может. Но приходит время—ужас и гнетущая жизнь подкрадываются к нему,—сначала глухое предчувствие, потом мучительная очевидность.

Разрушена его семья, потрясен в основах законный порядок его отечества. Престатель-братоубийца завладел треном его отца, соблазнил его мать; лицемерие, интриги, разврат царят при дворе; упадок старых добрых нравов расплывается по стране, зарождавая смуту. Необходимо восстановить право, пресечь преступления, отомстить за смерть отца и позор семьи. Таков для Гамлета непреложный долг, определяемый всем строем его феодального сознания.

Есть ли у него силы для этого? Да, в его богатой натуре они имеются; он ведь не только артист и любимец судьбы, не только «пассивный эстет», которому, как воздух, нужна для жизни гармоничная обстановка. Он, кроме того, сын короля-воина и потомок грозных викингов, получивший превосходное военное воспитание. Боец в нем есть, но не развернувшийся, не испытывший себя до тех пор и еще хуже—связанный в одном лице с пассивным эстетом.

Вот и сущность трагедии. Борьба требует от Гамлета хитрости, обмана, насилия, жестокости; они сами по себе противны его мягкой и нежной душе, а между тем их приходится еще направлять против самых близких, самых дорогих ему людей: в стане врагов оказывается горячо любимая им мать, и он видит, как орудием интриги против него делается Офелия. Враги выдвигают их вперед,—как опытные стратеги, умело пользуются слабыми местами его души. Занесенная для удара рука останавливается, внутренняя борьба парализует волю, минутная решимость сменяется колебанием и бездействием, время уходит в бесплодных спорах с самим собой,—получается глубокое раздвоение личности, и временно даже настоящее крушение: все смешивается в хаосе безысходных противоречий, Гамлет «сходит с ума».

Обыкновенный человек так бы и погиб, не успев ничего сделать. Но Гамлет—фигура необычная, героическая. Через муки отчаяния, через тяжелую болезнь души, он все-таки шаг за шагом идет к действительному решению. Элементы распадающихся двух личностей в одной—эстета и воина—проникают друг друга и сливаются в новом единстве: активный эстет, боец за гармонию жизни. Исчезает коренное противоречие: жажда гармонии выливается в боевое усилие, кровь и грязь борьбы непосредственно искупаются создаваемым очищением жизни и поднятием ее на высшую ступень. Организационная задача решена, художественная идея оформилась.

Гамлет, правда, погибает; и в этом великий поэт объективно-правдив, как всегда. У врагов Гамлета было преимущество: пока он собирал силы своей души, они действовали и готовили все для его гибели. Но он умирает победителем: преступление наказано, законный порядок восстановлен, судьбы Дании передаются в надежные руки: молодому герою Фортинбрасу, человеку менее крупному, чем Гамлет, но вполне достойному и насквозь проникнутому принципами того феодального мира, идеалы которого одушевляли и Гамлета.

Тут выступает другой момент нашей критики. Организационная задача поставлена и решена; но какой коллектив дал автору жизненный материал для ее воплощения? Конечно, не пролетарский, которого тогда и не было. Автор Гамлета, кто бы им в действительности ни оказался,—как известно, это вопрос спорный,—либо сам был аристократом, либо принадлежал к горячим приверженцам аристократии: из этого мира черпает он большую часть содержания драм, феодально-монархический идеал налагает на них свою печать. Там основы общественного строя—власть и подчинение, вера в управляющую миром волю божества, в святость и непреложность издревле установленного порядка, признание одних людей существами высшими, по самому рождению предназначенными руководить, управлять, других—низшими, подлежащими руководству, неспособными к иной роли, кроме подчинения. Не уничтожает ли все это ценность произведения для рабочего класса?

Отвечу вопросом: надо ли рабочему классу знать иные организационные типы, кроме своего собственного? Может ли он даже вообще выработать и оформить этот собственный тип иначе, как путем сравнения и сопоставления с другими, их критики, их переработки, использования их элементов? И кто лучше великого мастера художника мог бы ввести его в самую глубину чуждой организации жизни и мысли? Дело нашей критики—показать ее историческое значение, связь с низким уровнем развития, противоречия с жизненными условиями и задачами пролетариата. Раз это сделано, нет опасности поддаться влиянию чуждого типа организации; знание о нем превращается в одно из драгоценных орудий для созидания своего.

И здесь объективность великого художника дает лучшую опору критике. Сами собой обрисовываются у него и весь консерватизм авторитарного мира, и его коренная ограниченность, и слабость в нем человеческого сознания. Стоит вспомнить первое появление в «Гамлете» героя Фортинбраса—толчок к повороту в душе самого Гамлета на путь решения его задачи. Фортинбрас с гордым убеждением в своей правоте, без всяких сомнений и колебаний, ведет армию завоевывать какой-то клочок земли, не стоящий, может быть, крови последнего из солдат, который в этой войне погибнет...

Наконец, громадное значение имеет тот факт, что организационная задача в произведении ставится и решается на основе жизни чуждого общества, а решение все-таки, в своем общем виде, сохраняет силу и для нынешней жизни, и для пролетариата, как класса,—всюду, где жажда гармонии встречается с суровостью требований борьбы. Тут искусство учит рабочий класс всеобъемлющей постановке и всеобобщающему решению организационных задач,—что ему необходимо для осуществления мирового организационного идеала.

VI.

Бельгийский художник Константин Менье в своих скульптурах изображал жизнь и быт рабочих. Его статуя «Философ» дает образ рабочего-мыслителя, углубленного в решение какого-то важного философского вопроса. Нагая фигура производит цельное и сильное впечатление напряженнейшей мысли, сосредоточенной на одном, преодолевающей великое невидимое сопротивление.

В чем заключается художественная идея статуи? Организационная задача такова: как совместить, связать воедино тяжелый физический труд с работой мысли, с идейным творчеством? Решение задачи... Кто взглянет в фигуру «философа», которая вся проникнута сдержанным усилием, в которой каждый видимый мускул охвачен напряжением, остановленным и не переходящим во внешнее действие, как бы уходящим вглубь,—для того с огромной наглядностью и полной, непосредственной убедительностью выступает это решение: *мысль сама есть физическое усилие*; ее природа одинакова с природой труда, противоречия между ними нет, их разделение искусственное и преходящее. Выводы точной науки, физиологической психологии, вполне подтверждают эту идею; но гораздо ближе и понятнее она в художественном воплощении. А ее громадное значение для пролетариата не нуждается в доказательствах.

Но наша критика должна поставить вопрос: на точке зрения какого класса или социальной группы художник стоит в своем творчестве? И окажется: хотя он изображает рабочих, но не как идеолог рабочего класса; точка зрения трудовая, но не *коллективно-трудовая*. Рабочий мыслитель ваят индивидуально; не чувствуются, или только очень смутно, почти неуловимо намечаются те связи, которые сливают усилие его мысли с физическими и духовными усилиями миллионов, которые делают ее звеном в мировой цепи труда. Художник—интеллигент по социальному положению; он привык сам работать индивидуально, не замечая, насколько его труд и по происхождению, и по методу, и по задачам исходит из всего коллективного труда человечества. В этом точка зрения трудовой интеллигенции мало отличается от буржуазной,—так же индивидуалистична. И здесь наша критика должна дополнить то, чего не мог дать художник.

VII.

Так определяются сами собой задачи пролетарской критики по отношению к искусству прошлого. Выполняя их, она даст рабочему классу возможность прочно овладеть и самостоятельно пользоваться организационным опытом тысячелетий, кристаллизированным в художественных формах.

Обычное понимание роли и смысла пролетарской критики не таково. Оно чаще всего сбивается на позицию «гражданского искусства», на вопрос об его агитационно-пропагандистском значении для защиты классовых интересов. Несколько лет тому назад рабочий Ив. Кубиков, призывая пролетариев изучать лучшие произведения литературы старого мира, рассматривал ее воспитательное влияние следующим образом. Без сомнения, в ней есть «не только чистое золото, но и элементы вредной для пролетариата литатуры», а именно «консервативно-умеряющие силы». Однако это не страшно, потому что у рабочего есть классовое чутье, позволяющее ему успешно отделять золото от литатуры: «Если мы внимательно присмотримся к тем впечатлениям, которые получаются от искусства, то увидим, что действует золото, а литатура проходит мимо сознания рабочего... Мне лично, путем наблюдений, приходилось поражаться, как оппозиционно настроенный рабочий иногда из самого невинного произведения ухитряется делать революционные выводы» («Наша Заря», 1914, № 3, стр. 48—49). Это—точка зрения наивная, в самой основе ошибочная.

Мало хорошего в таком чутье, которое из действительно невинного произведения «ухитряется» делать революционные выводы. Искажение есть искажение. О чем оно свидетельствует? О больш. й силе непосредственного чувства и о недостатке объективности, о том, что мысль ниже этого чувства и подчиняется ему. Разве таково должно быть сознание класса, которому предстоит решить мировую организационную задачу?

Примером соотношений «золота и литатуры» Кубиков берет Шиллеровского «Дон-Карлоса», при чем полагает: обличение тирании, пламенные речи маркиза Позы, это—золото; а вот то, что он мечтает об абсолютной же монархии, только просвещенной и гуманной, это—литатура. Неверно. На «пламенных словах», при смутности и слабости мысли, читатель может прекрасно воспитываться в направлении революционной фразы. Заоборот, живое, художественно-глубокое выражение идеала просвещенного абсолютизма вовсе не «литатура» для читателя исторически-сознательного, стоящего на точке зрения пролетарской критики. Идеал—умственная модель организации; знать и понимать такие модели, вырабатывавшиеся прошлым, необходимыми для класса—организатора будущего. В борьбе героев-личностей, выведенных художником, надо уловить борьбу социальных сил, определявших сознание, и волю людей той эпохи, необходимость тех или иных идеалов, вытекавшую из природы этих сил. Художественное прощикновение в душу исчезнувших или уходящих из истории классов, как и классов занимающих ее арену, есть один из лучших способов овладеть накопленным культурно-организационным опытом—драгоценнейшим наследством для класса-строителя.

А поскольку искусство прошлого способно воспитывать чувство и настроение пролетариата, оно должно служить средством их углубления и просветления и расширения их поля на всю жизнь человечества, на весь его трудовой путь, но не средством возбуждения, не агитационным орудием.

* * *

Критик, который сумеет передать пролетариату великое произведение старой культуры, напр., в театре после представления гениальной пьесы истолковать зрителям ее смысл и ценность с организационной коллективно-трудовой точки зрения, или дать для них такое истолкование в короткой и доступной объяснительной программе, или, напр., осветить в статье рабочей газеты, рабочего журнала поэму, роман великого мастера,—этот критик сделает дело серьезное и нужное для рабочего класса.

Здесь—необозримое поле работы, необходимой и в то же время самой надежной, работы, которая никогда не пропадет.

А. Богданов.

Рабочий клуб.

Чем должен быть рабочий клуб?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны определить цели и задачи рабочего класса вообще. Только при этом условии возможно с наибольшей целесообразностью использовать это орудие классовой организации.

Освобождение пролетариата от капиталистического рабства предполагает уничтожение частной собственности на средства производства и замену ее формой общественной. Для осуществления этой колоссальной задачи пролетариат должен преодолеть не только материальное сопротивление в виде физической силы и технического овладения, но и сопротивление духовное в виде господствующих в буржуазном обществе норм и привычек. Борьба за классовое влияние и власть в капиталистическом строе заставила пролетариат создать политическую партию. Борьба за экономическое улучшение в настоящем и овладение производством в будущем диктовала рабочему классу создать вторую форму движения—рабочие союзы, которые являются в то же время средством, способствующим изучению социальной организации предприятий и административно-технического управления ими. Третья форма рабочего движения—кооперативная,—ставит своей задачей в конечном счете овладеть организацией распределения продуктов.

Все три формы способствуют развитию самосознания и понимания классового положения, а как результат этого вытекает необходимость вести борьбу за окончательное освобождение и торжество социалистического строя. Все это предполагает огромный запас знаний и навыков и глубоко разработанную идеологию рабочего класса. Основа этой идеологии, долженствующая осветить особым пролетарским еще не выданным светом весь мир людских отношений, заложена К. Марксом. Теперь, когда у нас пролетариат стоит у власти и вступил в полосу социальных битв больше чем когда-либо необходимо приступить сознательно и организованно к дальнейшему расширению и углублению идеологии, а поскольку целый ряд вопросов требует практического осуществления, идеологию необходимо конкретизировать и детально разработать. Выполнить эту задачу возможно только в том случае, если у нас будет создана особая самостоятельная организационная форма культурно-просветительного рабочего движения, которая даст возможность планомерно и во всей полноте разрабатывать идеологические вопросы, применяя их в практическом движении.

Рабочий клуб это и есть одно из орудий культурно-просветительного движения. Он должен стать универсальной студией практического выполнения рабочей культурной программы, ее живой лабораторией, охватывающей все стороны рабочей жизни, как освещающей классовой идеологией запросы быта пролетариата, так и удовлетворяющей запросы теоретического характера. Рабочий клуб должен быть таким учреждением, которое дает возможность получить ответ на недоуменные вопросы и ответ на все противоречия, которые индивидуально рабочий не в силах преодолеть. Он должен быть еще таким учреждением, которое с наибольшей свободой даст возможность проявиться творческим порывам, а также служить механизмом, определяющим ростки социалистических побегов склононостей, которые способны расцвести и принести сочный плод.

Являясь одним из орудий культурно-просветительной формы рабочего движения, клуб служит средством развития и углубления идеологии рабочего класса для всех форм пролетарского движения, и поэтому организация его всецело строится в соответствии с задачами и запросами рабочих организаций.

Удовлетворяя запросам духовного характера, он должен удовлетворять также и запросам физического характера, служить притягательной силой, где рабочий находит отдых от физической и моральной усталости и сможет рассеять тяжелые моменты настроения, превратив их в одушевляющие общественные стремления пролетариата.

Чтобы удовлетворять партийным запросам:

1. При клубе должен быть справочный стол партийного комитета, где каждый член партии может получать необходимые сведения, указания, куда бы он мог сделать необходимые сообщения.

2. Для членов рабочего союза должна быть комната, в которой член союза может найти справки и разъяснения на все вопросы, связанные с союзной жизнью, с его деятельностью как с текущей, так и с поставленным рабочим союзом задачами и предположениями. В ней должны быть все материалы по тарифу. В специально сделанных витринах необходимо разместить таблицы тарифных ставок, если не всех данного производства, то, по крайней мере, самые характерные из них. Должны быть также положения, в которых с научной точностью определены профессии и описания их операций.

1) Схемы расценочных комиссий, в которых намечены отделы и их функции.

2) Схемы по специальной административной и технической организации предприятий с указанием соответствующей по этому вопросу необходимой литературы.

3) Схемы по регулированию и контролю предприятий, с точным определением функций отделов и указанием литературы.

4) В особой витрине должны быть инструкции по всем отделам союзного строительства и союзная кодификация, т.-е. те постановления, которые приняли форму и суть союзного законодательства. Кроме перечисленного, должны быть также в витринах все декреты по рабочему вопросу. Стены должны быть украшены гравюрами машин и станков последнего слова техники, приспособлениями по гигиене и охранительным приспособлениям от опасности. Желательны гравюры лучших художников, изображающих тот или иной процесс труда.

5) Необходимо иметь в клубе комнату для библиотеки-читальни.

Библиотека может быть небольшая, но хорошо составленная, приспособленная ко всему рабочему движению в целом. На особой полке, на доступном для всех читателей месте должны находиться всякого рода справочники, энциклопедические и толковые словари, хорошо составленные каталоги, сборники декретов, наклеенные вырезки из газет по самым важнейшим вопросам культурной, политической и экономической жизни пролетариата.

6) На стенке вывешиваются списки книг, сборников, журналов, вышедших за последний месяц.

7) Отдел по вырезкам в определенный час делает доклад о социалистической и буржуазной прессе дня, о вышедших журналах и статьях в них, также и о вновь вышедших книгах.

8) На стенке или в витрине должны быть вывешены примерные программы краткосрочных курсов как по общему вопросу, так и по вопросам социальным с практическими семинариями. По каждому вопросу лекций должна быть указана самая существенная литература.

9) При клубе должен быть зал лекций и докладов. Литературный отдел читает и обсуждает произведения рабочих писателей. Организует писание статей и беллетристических произведений, устраивает курсы журналистики и сносятся с соответствующим отделом при «Пролеткульте». Само собой разумеется, что при клубе должна быть столовая, — а в крайнем случае чайная.

Клуб должен стремиться удовлетворять и развивать эстетические потребности.

Среди нас могут найтись такие, которые на эстетические потребности будут смотреть, как на что-то лишнее и ненужное, в особенности в такой острый момент борьбы. Мы считаем этот взгляд вредным заблуждением. Искусство не только сред-

ство украшения или наслаждения, но средство организации жизни, которым можно и необходимо пользоваться, как средством борьбы. А научиться пользоваться можно только тогда, когда мы научимся его понимать.

Искусство, как образное мышление, больше всего соответствует простому мышлению народа, которому отвлеченное доказательное мышление мало доступно. Искусство легче всего может проникнуть в семейный быт и влиять на формирование психологии человека, освобождая его от предрассудков, и таким образом подготовить рабочих для дальнейшей общественной борьбы за социалистический идеал.

Кроме того, искусство организует наши чувства и способствует довести их до сознательных стремлений, придавая всем нашим намерениям силу и цельность. И вот, чтоб заинтересовать искусством, мы предлагаем стены в клубе украсить гравюрами в красках с лучших произведений художников. Под каждым произведением необходимо поместить справку: когда написано, какой школы, и что хотел художник выразить им. Это незаметно будет развивать понимание и вкус, а в дальнейшем создаст возможность не только расширить свой опыт, но возможность готовым, ярким и сильным образом иллюстрировать наши идеи. Для распределения гравюр желательно советоваться со специалистами, которые в то же время понимают задачу пролетарского искусства. Некоторые из комнат желательно декорировать в соответствии с тем, для чего предназначена комната. Закупка гравюр должна быть массовой и возложена на культурно-просветительный центр, что даст возможность экономии и иметь гравюры лучшего качества.

10) Для развития и понимания музыки желательно организовать оркестр и музыкальную студию, в которой знакомят с лучшими произведениями прошлого и настоящего и создают условия для пролетарской музыки,—а также и хор.

11) Необходимо организовать театральную студию революционно-социалистической эстрады. Постановка и инсценировка произведений пролетарских писателей, декламация—все это должно входить в отдел театральной студии.

12) Завершением всего должна быть школа социальных наук, которая способствовала бы овладению метода пролетарской марксистской идеологии и научала применять его во всех областях пролетарской жизни и помогала строить ее гармоничное здание в целом.

Только такого рода организация клуба будет служить могучим орудием классового воспитания и полноты развития рабочего.

Федор Калинин.

Идеал воспитания.

I.

Воспитание есть работа, превращающая человеческую личинку в действительного члена общества. Следовательно, это—работа, вводящая новые единицы в социальную организацию и таким образом ее формирующая,—работа *организационная*. Она подобна делу набора, обучения, дисциплинирования, распределения рекрутов для армии. Сущность ее заключается в том, чтобы приготовить человека к выполнению той роли, тех функций, которые ему в системе общества придется выполнять.

С развитием общества изменяется в нем роль отдельных человеческих единиц. Естественно, что изменяется вместе с тем и характер воспитания, его конкретные задачи, его идеалы.

В обществе первобытно-родовом, до-авторитарном, стихийно была вся жизнь людей, так же стихийно было воспитание. Оно, собственно, и не существовало, как особая задача. Не было власти-подчинения, почти не было разделения труда.

Роль каждого члена общины в труде не отличалась от роли других, являлась стереотипной: одинаковые действия, одинаковые навыки. Ребенок подготавливался к ней на деле, путем непосредственного подражания старшим и путем их практических указаний, даваемых от случая к случаю, по мере надобности. Это еще зоологический тип воспитания.

Вместе с первым дроблением человеческого коллектива—на организаторский и исполнительский элементы—воспитание стало впервые выделяться, как особая задача. В обществе авторитарном (сначала патриархально-родовое, затем феодальное) имеется, в разных формах, власть руководителя-организатора; следовательно, требуется дисциплина повиновения; развивается в той или иной степени специализация; значит, нужно и специальное обучение. Строй этот консервативен по основной своей тенденции: таким образом, роль каждого заранее предопределена либо прямо ролью его родителей, занятия которых он наследует, либо вообще указаниями традиции.

Господство авторитета и традиций означает мироотношение всецело религиозное. Таково же тогда и воспитание. Религия внушает ребенку понятия и чувства, образующие авторитарную дисциплину: убеждение в непреложности властного начала, божественного и земного, преклонение и покорность перед ним. Она же дает ему связь традиции: откровение в прошлом, неизблемость устоев, заветных предков, и тем самым священных. Что касается специального обучения тому или иному делу, то оно было всецело эмпирическим, проводилось на самой практике путем подражания с одной стороны, властных указаний—с другой. Никакой теоретической подготовки не было и быть не могло, так как научной точки зрения не существовало. Хотя воспитание и стало уже особою задачею, но оно не сделалось еще особою специальностью. Воспитателем является «авторитет», в начале ближайший—родители ребенка, которые и потом сохраняют эту роль,—до сих пор; затем, как руководитель общего воспитания, выступает организатор жизни общины, патриарх; позже его сменяет жрец; тот и другой—представители религии, традиции, власти.

Идеал воспитания здесь прост, ясен и чуждотвлеченности: подготовить человека для вполне определенной, не им выбранной, общественной функции.

II.

Буржуазное общество есть мир, в своих основах *индивидуалистический*. Он характеризуется обособлением личности, противопоставлением человека человеку, порождаемым силою коренных условий этого строя: развивающейся специализации, частной собственности, внешней независимости частного хозяйства, противоречиями частных интересов на рынке, борьбою их на всем поле жизни. Жизнь противопоставляет отдельную личность всем другим, как специалиста, собственника, контрагента или конкурента, вообще как особый центр интересов и стремлений, как борца за себя и свое. Этим маскируется общественная связь сотрудничества; она скрывается от сознания людей под непрерывными столкновениями человеческих атомов, под войною всех против всех.

Эта связь, однако, не перестает существовать объективно, — иначе общества не было бы, оно бы рассыпалось, как живая пыль, которая в своем бессилии была бы поглощена стихиями, чтобы стать мертвым прахом. Связь существует и ставит борьбу в рамки, удерживающие и охраняющие объективное сотрудничество. Но она является сознанию эпохи в затемненном виде, под оболочкою множества отвлеченных фетишей: стоящих над людьми «законов», «права», «справедливости», «чравственного долга», «общезаательной для них и не зависящей от них «истины», «красоты» и пр. В своей непонятности для мышления, рассматривающего их через призму борьбы, эти схемы социальной связи настолько отрываются от жизни, над которой, однако, они господствуют, что кажутся самостоятельными, абсолютными целями, для которых все остальное—только средство: «да погибнет мир, лишь бы совершилась справедливость».

В мире борьбы побеждает и выживает сильнейший, лучше вооруженный. Поэтому она путем подбора ведет к совершенствованию специалистов. Из этого процесса совершенствования и из постоянного расширения опыта во много раз выросшего общества зарождается научное мышление. Оно по существу своему прогрессивно, враждебно традициям.

Борьба и прогресс непрерывно изменяют отношения людей. Благодаря этому роль каждой данной личности заранее не predetermined. Человек должен сам ее определить: найти, выбрать свое призвание, свою специальность. Специальностью становится всякая общественная деятельность, в том числе воспитательская. Характером общественного строя ясно и неизбежно намечаются задачи воспитания. Они гораздо сложнее, чем это было раньше. Человека требуется подготовить к свободному выбору специальной функции в обществе, к ее выполнению, ее совершенствованию; и все это должно соединяться с отстаиванием личности своих интересов, которое, однако, не должно разрушать общей социальной связи.

Отсюда вытекает схема индивидуалистического воспитания. Ее элементы: «общее образование», «специальное образование», «воспитание характера». Общее образование дает наиболее важные и наиболее общие знания и методы из различных специальных областей, как введение ко всем ним и подготовку выбора между ними. Дальше идет специальное образование, которое относится к выполнению и совершенствованию выбранной человеком функции. Воспитание характера, параллельное образованию, заключается в развитии самостоятельности и дисциплины. Самостоятельность требуется для борьбы, для отстаивания своих интересов; это—самостоятельность по преимуществу боевая. Дисциплина же здесь означает самоподчинение фетишам морали, права и проч. Она должна удерживать борьбу за себя и свое в социальных рамках, не допуская ее переходить в разрушение, в дезорганизацию общества.

Таков индивидуалистический идеал воспитания. Он соответствует основному строю, основным тенденциям буржуазного мира. Но буржуазный мир не выступает в истории как точно оформленная, кристаллизованная система. Он постепенно складывается, развиваясь сначала внутри феодального общества, затем разрывая и сбрасывая его оболочку; и даже в своих наиболее законченных формах он сохраняет массу элементов авторитарности в строении семьи, капиталистического предпринятия, государства, с его бюрократией и особенно армией. В различных группах и классах буржуазного общества элементы индивидуализма и авторитета соединяются в разнообразных формах и соотношениях. Соответственно этому в фактически применяемых системах воспитания, в зависимости от характера господствующих классов и групп, основной идеал затемняется примесью остатков и пережитков прошлого, как, напр., преподаванием на ряду с науками богословия, а также мертвых языков, воплощающих для массы юношества только дух традиции, внушение детям рядом с идеей свободного и чистого служения долгу, истине, справедливости—также и не рассуждающего послушания властям и т. п.

Индивидуалистический идеал воспитания, в сущности, так и не успел полностью, во всей чистоте осуществиться на деле, когда в жизни зародился и стал быстро развиваться на смену ему иной высший идеал.

III.

Новый мир—коллективистический—зарождается и растет среди буржуазного общества в виде рабочего класса, его организации, его новой культуры, завершается в социалистическом строе.

Организационная основа коллективизма — товарищеское сотрудничество, именно в той высшей его форме, которая складывается на почве машинного производства и развивается дальше в классовых объединениях пролетариата. В этом сотрудничестве, как мы знаем, разделение функций перестает разделять людей; все по мере знаний и опыта участвуют в выработке коллективной воли (обсуждение и решение), каждый затем в ее исполнении. Роль каждого в общем деле может и должна меняться сообразно потребностям коллектива; каждый определяет ее

собща с другими, участвует в ее определении для других, это совершается вновь и вновь, роль сотрудника является текучей. Выработка общих методов труда в машинном производстве и идущая следом за ней выработка общих научных методов познания делают впервые возможной такую подвижность труда; капитализм своими колебаниями рабочего рынка и неустойчивостью положения всех видов труда превращает ее в жизненную необходимость. Для социализма же она—условие гибкости форм производства и плановости его развития.

Здесь общественный деятель уже не специалист, или, вернее, далеко не только специалист. Таким деятелем при выработке коллективной воли является каждый; да и вообще всякая работа принимает в сознании человека ясно-общественный характер; социальное сотрудничество не затемнено борьбой и раздвоением, его связь прозрачна.

Из основных условий нового мира сам собой вытекает новый идеал воспитания. Оно должно подготовить человека не только к выбору своей функции в системе сотрудничества, притом выбору повторяемому, но и к участию в ее определении для других членов коллектива. Воспитание должно, следовательно, давать *общие* знания и *общие* методы труда, которые и создаются на этой степени развития: в этом новое «общее образование» отличается от прежнего, которое по необходимости сводилось к сообщению обрывков, хотя бы наиболее важных и общих, из специальных областей знания и специальных методов.

Для выполнения и совершенствования функций должно, очевидно, как и прежде, служить специальное обучение. Но здесь оно не занимает такого огромного места в жизни, как это было раньше, отступая перед общим воспитанием, и не ограничивается одной специальностью для каждого человека. В этих условиях оно не суживает психику, а дополняет и расширяет общее воспитание, являясь его частным, практическим развитием в ту или иную сторону.

Воспитание воды гораздо глубже меняет свой характер и направление. Нелена мысль, что коллективизму не свойственна или не нужна личная самостоятельность. В коллективе каждый *дополняет* других, в этом сущность его роли. Но дополнять их он может постольку, поскольку от них отличается, поскольку своеобразен, поскольку самостоятелен. Ясно, что смысл этой самостоятельности не в отстаивании личных интересов, а в инициативности, критике, оригинальности—восбде в развитии индивидуальных способностей. Самая шаблонная защита индивидуализма основана на игре слов, смешивающей его с развитием индивидуальности—в смысле индивидуальных способностей. На деле только коллективизм впервые создает условия для систематического и планомерного их развития. Мир индивидуализма подавляет наибольшую их массу не только своей суживающей жизнью специальностью, но еще более необходимостью для человека отстаивать свою творческую индивидуальность ценою жестокой борьбы, в которой огромное большинство людей заранее поставлены в самые невыгодные условия. Из этого большинства те немногие, которым удалось отстоять ее, могут жизненно проявить ее лишь в пределах того остатка сил, который у них сохранится сверх растрат этой борьбы. Такова индивидуалистическая свобода индивидуального развития.

Воспитание должно дисциплинировать человека для общества. Но это уже не слепая дисциплина повиновения авторитету, не фетиш истинная дисциплина долга и закона. Эта новая дисциплина—живой товарищеской связи коллектива, сознательного подчинения его общим интересам, его целям.

Таков новый идеал воспитания. Он выше всех прежних, и труднее его осуществление. Но он ясно намечается в жизни, шаг за шагом пробивает путь через ее сопротивление.

Роль воспитателя достигает здесь наибольшей важности и ответственности. Но зато она впервые ясно выступает перед ним во всей своей глубине и величии. Он сознает себя действительным организатором общества, создающим истинного человека, из того, что не было человеком.

А. Богданов.

К созыву Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций.

Тезисы докладов.

Революция и культурные задачи пролетариата.

1. Русская революция носит характер социалистический. С тех пор, когда трудящиеся классы стали в государстве господствующими, явилась возможность преобразовать современное хозяйство в обширную хозяйственную ассоциацию, вполне удовлетворяющую все свои потребности своими собственными силами. К этому сводится вся политика советской власти.

2. В своем движении вперед, в своем размахе русская социалистическая революция встречает препятствия со стороны имущих классов, которые еще не теряют надежды вернуть в свои руки политическую власть,—со стороны европейской империалистической буржуазии, которая, боясь революции у себя, стремится задуть всеми силами русскую революцию и пытается при первой возможности вознаградить себя за военные неудачи на счет ослабленной преступной войной России. С этими попытками и замыслами можно бороться путем организации военной силы.

3. Пролетариат не смог полностью осуществить все добытые октябрьской революцией возможности также и в силу того, что широкие народные массы захлестнуты стихией мелкобуржуазной анархичности, стихией капиталистической буржуазной культуры. Бороться с этим можно путем выработки и создания строго классовой, обособленной культуры рабочего класса.

4. Культурная самостоятельность пролетариата—очередной лозунг, выдвинутый самой жизнью. Если раньше рабочее движение шло путем политической и экономической борьбы, то теперь выявляется новая форма рабочего движения революционно-культурная, так же самостоятельная, как и две предыдущих.

5. Процесс этот не нов и неизбежен. История дает многочисленные факты. Так, например, было в Средневековье. Когда на историческую сцену выступил феодал, он принес с собой стройное по тому времени религиозно-авторитарное мировоззрение, которым была проникнута вся жизнь того времени. Аналогичный процесс мы могли наблюдать и во времена Великой французской революции, когда молодая, еще революционная буржуазия выдвинула в качестве своих идеологов просветителей, философов, материалистов. Точно так же и пролетариат, встав у руля правления и направляя корабль в царство социализма, неизбежно должен создавать новую культуру на коллективистических началах.

6. Культурно-просветительная задача распадается на две части: чисто просветительную и революционно-творческую. Пролетариат, столетиями удаленный от просвещения и вообще всех духовных завоеваний капиталистического общества, должен теперь, когда явилась полная к тому возможность, овладеть богатствами буржуазного общества, чтобы потом переработать их в горниле своего классового сознания. Самое же главное, пролетариат должен проявить самостоятельное творчество в области искусства, морали, науки,—словом, в области всего, что так или иначе способствует организации новой жизни.

7. В данный момент власть принадлежит пролетариату и беднейшему крестьянству. Государственные учреждения, несмотря на все свои усилия и желания, не в силах, однако, осуществить и полно отразить в своей работе пролетарское мирозерпание. Они прежде всего вынуждены в значительных размерах пользоваться буржуазной интеллигенцией, которая несомненно вносит в работу буржуазную закваску в той или другой степени. Затем самое поле деятельности, широта и необъятность его вынуждают считаться с психологией других слоев общества, часто ре-

волюционных, но чуждых по всему коммунистическому идеалу. Наконец, государственные учреждения в силу своего положения не только дают массам готовые формы организации той или другой стороны жизни, но и наполняют их часто готовым содержанием: они декретируют. Пролетарская же культура должна вырабатываться в процессе самостоятельности на цехах, среди широких рабочих масс. Только они одни могут в полной мере выразить свои миропонимание и мировосприятие.

8. Организация, которая ставит своей задачей дать наибольшие возможности проявить рабочему классу свою самостоятельность, свое революционное творчество и объединить все результаты работы в стройную систему, называется «Пролетарская Культура», сокращенно «Пролеткульт». Все, что им будет добыто ценного в области пролетарской культуры, должно быть использовано государственными учреждениями и проведено в жизнь, как нечто прочное, должное войти в сокровищницу веков.

9. Если раньше, когда наши стремления не шли дальше буржуазного Учредительного Собрания, можно было отмахиваться от вопросов пролетарской культуры, то теперь, когда надо закрепить наши революционные завоевания, а широкая масса трудящихся еще барахтается в мелкобуржуазной стихии анархичности, нельзя строить жизнь на «высших достижениях» буржуазной культуры; нужно создавать свою культуру, резко обособленную от культуры капиталистического общества. Победив буржуазию физически, надо победить ее и духовно.

10. Пролетариат и наука. Пролетариат и искусство. Пролетариат и мораль. Основные принципы.

В. Полянский.

Наука и рабочий класс ¹⁾.

1. Классовый характер науки заключается не в том, что она *защитает интересы* того или иного класса; такая защита является либо только публицистическим применением науки, либо—ее фальсификацией. Действительная наука может быть буржуазной или пролетарской по самой своей «природе», а именно—по *происхождению, точке зрения, методам разработки и изложения*. В этом основном смысле классовый характер могут иметь—и на деле имеют—не только науки общественные, но и все иные, вплоть до математики или логики.

2. Природа науки заключается в том, что она есть *организованный коллективный опыт людей* и служит *орудием организации жизни общества*. Господствующая наука в самых различных ее отраслях является *буржуазной*: работали над ней, главным образом, представители буржуазной интеллигенции, концентрировали в ней материал опыта, доступный буржуазным классам, понимали и освещали его с точки зрения этих классов, организовали приемами и способами, для них привычными, им свойственными; а в результате наука эта служила и раньше, и до сих пор орудием буржуазного устройства общества: сначала—орудием борьбы и победы буржуазии над классами отживающими, потом—орудием ее господства над классами трудявыми, все время—орудием организации производства и всего того производственного прогресса, который осуществлялся под руководством буржуазии. Такова организующая сила этой науки; но здесь же видна ее историческая ограниченность.

3. Эта ограниченность сказывается уже в самом материале науки—в содержании опыта, который она организует,—всего заметнее именно в обществен-

¹⁾ Теоретические основания этого доклада более подробно изложены в брошюре «Наука и рабочий класс», представляющей доклад того же автора на конференции культ.-просв. пролет. о-в г. Москвы в феврале 1918 г.

ных науках. Так, изучая производственные отношения, буржуазная наука не могла уловить и выделить особую, и как раз высшую форму сотрудничества, товарищескую или коллективистическую, потому что эта форма почти не свойственна буржуазным классам.

Но еще гораздо значительнее ограниченность той *основной точки зрения*, которая проникает всю буржуазную науку, потому что подкачивается ей самым положением буржуазных классов в социальной системе, и, следовательно, всем их бытом. Эта особенность заключается в *отрыве науки от ее действительной основы — общественного труда*.

4. Начало этому отрыву было положено обособлением труда умственного от физического. Само по себе оно еще не исключает сознания неразрывной связи практики и теории и в общественном процессе, как едином целом. Но для буржуазных классов это целое невидимо, находится вне поля их зрения. Они воспитываются на индивидуальном хозяйстве, частной собственности, борьбе рынка; вследствие этого они *индивидуалистичны* по своему сознанию, и социальная природа науки им недоступна, непонятна. Для них наука не есть организованный коллективно-трудовой опыт и орудие организации коллективного труда: для них познание есть нечто само по себе, нечто даже противоположное практике, имеющее свою особую, «идеальную», «логическую» природу, и если фактически может руководить практикой, то именно в силу этой особой высшей природы, а отнюдь не потому, что из практики происходит и ради нее вырабатывается. Это — своеобразный *фетишизм*, который можно назвать «отвлеченным фетишизмом познания».

5. Развитие буржуазного мира шло во всех областях его творчества, в том числе и в области науки, по пути все возрастающей *специализации*. Наука дробилась на отрасли, число которых возрастало. Расхождение их усиливалось, все более уменьшая живое общение между ними; индивидуалистическое разъединение людей обостряло этот процесс, потому что если специалисты одной отрасли еще нуждаются в необходимостью взаимно делиться опытом и мыслями, то специалисты разных отраслей сравнительно свободны от такой необходимости. Этим путем наука пришла к великой разрозненности, подобной разрозненности самого капиталистического общества, и в такой же аналогии — анархически шло ее развитие.

Результат был тот, что буржуазная наука хотя накопила во всех отраслях громадное богатство материала и методов его разработки, но не могла привести его в стройную и планомерную целостную организацию. Каждая специальность создала даже свой особый язык, непонятный и для ученых другой специальности, не только для широких масс. Одни и те же соотношения и связи опыта, одни и те же приемы познания изучаются в разных отраслях, как вещи совершенно различные; методы одних отраслей с трудом и большим опозданием проникают в другие. Отсюда и узость кругозора, цеховая ограниченность, развивавшаяся в людях науки, ослаблявшая и замедлявшая творчество.

6. Развитие машинного производства, внося единство в технические методы, вызвало и в науке тенденцию к объединению методов, к преодолению вредных сторон специализации. Многие сделано в этом направлении; но пока остается коренной отрыв всех отраслей науки от их общей, социально-трудовой основы, до тех пор эта тенденция может действовать только в частности, но не привести к стройной и единой организации науки в целом.

7. Рабочему классу буржуазная наука мало доступна и по своей громоздкости, и по затемненному, усложненному специальным цеховым языком изложению, и еще, конечно, потому, что, ставши в капиталистическом обществе товаром, она продается дорого. Когда же отдельным представителям пролетариата удастся ценою громадной затраты сил овладеть той или другой ее отраслью, тогда ее классовый характер оказывает свое влияние: ее оторванность от коллективно-трудовой основы направляет их развитие к отрыву от жизни, интересов и строя мыслей трудового коллектива, из которого они вышли, сюда присоединяется тенденция к духовному аристократизму и цеховой ограниченности; словом, как буржуазная по своему происхождению идеология, она организует душу пролетария по буржуазному типу.

8. Из всего этого для рабочего класса вытекают определенные задачи по отношению к современной науке: *пересмотр ее с пролетарской точки зрения как по содержанию, так и по форме изложения; создание новой организации как разработки ее, так и распространения в рабочих массах.* В большинстве научных отраслей выполнение этих задач будет означать именно планомерное получение наследия старого мира; но в некоторых потребуются широкое и глубокое самостоятельное творчество.

9. Пересмотр науки по содержанию должен прежде всего устранить ее отрыв от ее коллективно-трудовой основы: материал ее должен быть понят и освещен, как практический опыт человечества; ее схемы, выводы, формулы—как орудия организации всей социальной практики людей. Эта работа пока выполняется почти исключительно в общественных науках, да и там недостаточно организовано и планомерно; но она должна быть распространена на все области познания. Преобразование это сделает науку жизненно-близкою для рабочего класса. Астрономия, как учение об ориентировке трудовых усилий в пространстве и времени, физика, как наука о сопоставлениях, с которыми встречается коллективный труд людей,—физиология, как наука о рабочей силе,—логика, как теория социального согласования идей—организационных орудий труда—непосредственное, легче и глубже войдут в сознание пролетариата, чем те же науки в их нынешнем виде.

10. Вместе с тем необходимо стремиться к устранению той разрозненности науки, которая порождена ходом специализации: к единству научного языка, к сближению и обобщению методов разных отраслей знания не только между собою, но и с методами разных областей практики, к выработке полного монизма тех и других. Его воплощением явятся *всеобщая организационная наука*, необходимая пролетариату, как организатору в будущем всей жизни человечества, всех ее сторон.

11. Что касается формы изложения наук, то здесь задача заключается в небольшом упрощении без ущерба для сущности излагаемого. За последнее время, благодаря работе демократизаторов науки, выяснилось, как много можно сделать в этом смысле, сколько в обычных изложениях ненужного схоластического балласта, как часты повторения одного и того же в смежных отделах под разными именами. В значительной мере упрощение будет достигаться уже самым пересмотром науки с коллективно-трудовой точки зрения, которая освободит науку от отвлекающего фетишизма, порождающего мнимые вопросы и лишние хитросплетения, к которым относится большая часть «доказательств» в старой математике, механике, логике и пр.

12. Пересмотр науки по содержанию вместе с ее преобразованием по внешней форме составит основу ее—*«социализм»*, приспособления к задачам социалистической борьбы и строительства. В соответствии с этим должно быть организовано дело распространения знаний и научной работы. То и другое дело неразрывно связаны; их жизненным воплощением должны явиться *Рабочий Университет и Рабочая Энциклопедия*.

13. Рабочий Университет должен представлять систему культурно-просветительных учреждений, ступенями восходящих к одному центру формирования и организации научных сил. В этой системе на каждой ее ступени курсы общеобразовательные должны дополняться специальными, социально-практическими и научно-техническими. Принципиальное единство программы, связывающей все ступени вместе с их дополнениями, не должно стеснять свободы попыток усовершенствования частных программ и особенно методов преподавания.

Основной формой отношений учащихся и учащихся должно быть товарищеское сотрудничество, при котором компетентность первых не переходит в голый авторитет, а доверие вторых—в пассивность и отсутствие критики. В самом преподавании на первом плане должно стоять усвоение методов.

14. Выработка курсов преподавания и в связи с ней литературная деятельность ученых работников Рабоч. Ун. должны быть направлены к созданию Рабочей Энциклопедии, которая явится не простой сводкою выводов науки, но пре-

жде всего полной и стройно организованной системой изложения методов практики и познания в их жизненной связи.

А Ботдаев.

Пролетариат и искусство.

1. Искусство может быть названо общечеловеческим постольку, поскольку все ценное в произведениях веков и народов является неотъемлемым содержанием сокровищницы общечеловеческой культуры.

2. Никому, однако, не приходит в голову отрицать бросающиеся в глаза различия искусства отдельных эпох и народов.

3. Мы, марксисты, знаем, что различия эти объясняются не расплывчатыми понятиями: национальный дух, век или климат, а общественным строем, определяемым в свою очередь соотношением классов.

4. Искусство является то чистым выражением идеологии того или другого класса, то испытывает на себе перекрестное влияние нескольких классов; но классовый анализ производства искусства есть наиболее плодотворный метод его исследования.

5. Искусство одного и того же класса не всегда одинаково. Классические примеры эволюции классового искусства: зародыши, период стремлений, классицизм, реализм, романтизм отчаяния, мистицизм.

6. Все ступени эволюции искусства данного класса окрашиваются тем не менее психологией именно данного класса.

7. Попытка характеристики грядущего пролетарского искусства, исходя из этих положений.

8. Самостоятельность пролетарского творчества выражается в оригинальности отнюдь неискусственной и предполагает ознакомление со всеми плодами предыдущей культуры.

9. Интеллигенция уже играет известную роль в рождении пролетарского искусства созданием ряда произведений переходного характера.

А. Луначарский.

Идеалы социалистического воспитания.

1. Мы стоим накануне общеевропейской социалистической революции. Советская республика—этап по пути к социализму.

2. Необходимо воспитывать детей для тех условий, в которых им придется жить. Современному подрастающему поколению придется жить в условиях социалистического строя, поэтому для него нужно и социалистическое воспитание, социалистическая школа.

3. Чтобы понять, каково должно быть социалистическое воспитание, надо понять сущность социализма и те изменения форм общественной жизни и психологии, которые повлечет за собой осуществление социализма.

4. Экономические основы социализма сводятся к следующим положениям: а) отменяется частная собственность на средства производства, они становятся собственностью общественной; б) производство организуется планомерно на основе точного учета потребностей; в) произведенные продукты распределяются между всеми членами общества на основах равенства.

5. Воплощение в жизни этих экономических основ ведет к уничтожению разделения на эксплуатирующих и эксплуатируемых, богатых и бедных, это, с своей стороны, ведет к углублению идеи равенства, воплощению ее в жизнь. А воплощение ее в жизнь означает одинаковое право на получение продуктов, одинаковую трудовую повинность, одинаковое право на знание, одинаковое право в области политических прав.

Для школы это означает, что современная классовая школа должна быть заменена школой единой, открывающей для всех одинаковый доступ к знанию, заботящейся о развитии всех физических и душевных сил каждого ребенка.

Это означает, что вместо тех мнимых, фальсифицированных знаний, которые дает современная школа, она будет давать все самое ценное, что стало достоянием человеческого ума.

Это означает, что школа будет давать не только книжные знания, а готовить ребенка одинаково, как к умственному, так и к физическому труду; она будет связывать воедино эти два типа труда, засыпая существовавшую до сих пор между ними пропасть.

Это означает, что школа будет самоуправляющейся общиной, где дети будут учиться жить вместе, не обижая друг друга, устроявая жизнь так, чтобы всем было хорошо.

6. Отмена частной собственности на средства производства, планомерное производство, основанное на учете, положит конец экономической борьбе за существование внутри общества; человек перестанет видеть в каждом другом человеке своего конкурента, а будет видеть человека; собственнические инстинкты, разделявшие людей, ослабеют, верх возьмет человеческая солидарность.

Поэтому в области воспитания целью будет подготовка не к тому, чтобы ребенок в будущем умел пробить себе дорогу, подняться по общественной лестнице, а воспитание в учащихся чувств братской солидарности. Воспитание семейное, воспитание в одиночку, насколько оно имеет еще место, должно уступить место воспитанию общественному. Совместные переживания, совместный коллективный труд, игры, организация всей школьной жизни должны развивать общественные инстинкты детей, помогать им отливаться в определенные формы.

7. То, что дети—будущие господа жизни, требует, чтобы их готовили к этому господству не на словах, а на деле. Ребенок не должен готовиться к какой-нибудь одной узкой специальности, он должен уметь работать всякого рода работу, чтобы применяться к быстро меняющимся условиям техники. Не профессиональное, а политехническое образование должно занимать широкое место в школе. Ребенок должен учиться не усердно выполнять, что прикажут работать, а учиться связывать свою работу с общей работой, со всем производством в целом, понимать взаимозависимость его работы с работой коллектива. Он должен учиться быть одновременно и исполнителем, и организатором в производстве. Этому его должна учить трудовая, политехническая школа.

8. Энгельс определил социализм, как «скачок из царства необходимости в царство свободы». Социализм уничтожит все те пути, которые связывали развитие личности миллионов рабочих масс. Социализм поднимет дух человеческий на небывалую высоту. Социалистическая школа должна быть школой свободной, дающей простор индивидуальности ребенка, она должна создать среду, в которой бы могла всесторонне развиваться и выявляться личность ребенка, школа должна дать широкий простор его свободному творчеству.

Н. Ульянова (Н. Крупская).

Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций состоится между 15 августа и 1 сентября.

На конференцию посылают представителей следующие организации.

«Пролеткульт» (Самостоятельные рабочие К.-Пр. Организации).

К.-Пр. Отдел Фабрично-Заводских Комитетов.

К.-Пр. Отдел Профессиональных союзов.

К.-Пр. Отдел рабочей кооперации.

К.-Пр. Отдел Совдепов городов и крупных центров с населением не менее 20 тысяч.

Норма представительства: организации до 5 тысяч посылают 1 делегата; от 5 до 10 тыс.—2 делегатов; от 10 до 25 тыс.—3 делегатов; далее на каждые 25 тысяч 1 делегат. Мелкие организации объединяются.

Организационное Бюро по созыву Всерос. Конф. Пролет. К.-Пр. Организаций посылает 3 представителей.

Редакция журнала «Пролетарская Культура»—2 представителей.

Отдел самостоятельных пролетарских культур.-просв. организаций при Нар. Ком. Просвещения—2 представителей.

В. Ц. И. К. Совдепов—2 представителей.

Центральные комитеты социалист. партий, стоящих на платформе советской власти,—по 2 представителя.

Всерос. Совет Проф. Союзов—2 представителей.

Совет рабочей кооперации—2 представителей.

Железнодорожный «Цекульт»—2 представителей.

Отдельные лица приглашаются по решению Орг. Бюро.

Товарищи! Готовьтесь к конференции, выбирайте делегатов в По всем делам созыва конференции просим обращаться по адресу Орг. Бюро: Москва, Воздвиженка, д. 16. Тел. 4-42-20.

Председатель В. Полянский.
Секретарь Ф. Калинин.

Железный мессия.

Вот он—спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме несметных стальных машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали,—явится в звездных ризах,
В ореоле божественной тайны,
А он пришел к нам в дымках сизых
С фабрик, заводов окраины.

Думали,—явится в блеске и славе
Кроткий, благостно-нежный,
А он, подобно огненной лаве,
Пришел многоликий, мятежный.

Вот он шагает чрез бездны морей
Стальной, непреклонно-стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвенит его властный крик,
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются в миг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет—оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый—символ борьбы,
Угнетенных маяк спасительный,
С ним победим мы иго судьбы,
Рай завоюем пленительный.

Владимир Кириллов.

П о ж о р о н ы.

Безбрежный океан облаженных голов,
Бурлящим потоком сомнения смяты...

Море цветов...

Венков...

Плакаты, плакаты...

Рвутся к неосознанным высям сердца,
Неумолимы людские прибои...
На алых флагах: борись до конца,
Слава павшим героям.

Уходят, приходят Армии Красной взводы,
Растет беспрерывность железных шагов.
То Армия вечной свободы,
Войска грядущих веков.
Вьются флаги на стальных штыках,
Революционная мощь в сомкнутых рядах.

В музыке непоколебимого строя,
Войско чествует память героя.
Гроб героя несут на руках,
Гроб утонул в цветах.

Над ним багряность шумящих знамен,
Беспрерывность людских колонн,
Горжественность многоликих масс...
Хоронит трибуна рабочий класс.

На лицах людей страданье,
Как клинок кинжала блещет их взгляд.
Молчат дворцы угрюмо, соборы и зданья.
Молчат, молчат...

Кроваво сверкают на башнях часов циферблаты,
Роняют часы осторожные звоны.
В тумане сером людские колонны...
Цветы, венки, плакаты...

Заостренные грустью блещут усталые взоры,
Горячею жутью схвачены мощные груди,
Но нераздельною сталью спаяны воедино люди,
Где-то гремит гром орудий...
Все вздрогнули при звуках хора,

Забилась новым ритмом сердца,
В новых чувствах отстают массы им следом...
А эхо несет: борьба до конца.
К победам, к победам.

При этих звуках плотнее сомкнулись штыки,
Колокол затрещивал протяжный где-то...
Знамена, знамена, венки
Союзов, Союзов, Советов, Советов...

Грусть в сердцах расплавлена,
Грудь тисками сдавлена,
Но все лучезарно, необычно, светло,
Обычное сжалось, куда-то ушло.

Улицы, площади, дома, магазины,
Все кипит в народной пучине,
Все потонуло в многомиллионном шуме,
Все забылось в огнезарной думе.

Все горело в циклонах стремления,
Все трепетало в огне достижения,
Стирая безумие безумных поверий,
Свергая твердыни закона.

В домах открылись окна и двери.
Темнеют от наших врагов балконы.
Им страшен народных ликований вал,
Робкие души страхом объаты.

Интернационал.
На перекрестке оратор
Льет в груди огненных слов железо.
Где-то гремит марсельеза.

Острым мгновением звучит каждый шаг.
Кто-то поднял флаг,
Что-то поют, поют...
Салют, салют, салют.

В глубоком молчании на изломе улиц застыли
Пролетки, автомобили.
Знамена склонились. Ворца схоронили.
Вечная память.

Александр Поморский.

Чудеса работы.

Он рушится, он падает... мир.

В прошлое взглянем и кинем:

Отрицаю!

Миллионы взоров к будущему и громко, всем-голосом:

Строю!

— Мы все на работе.

Дадим людскую шеренгу в сто миль на криках Урала.

Идемте стальной толпой по коням Уэльса.

Грянем железный гимн под сводами заводов Рейна.

Трансваальцы, на горы!

Механики Чикаго, вы достроили чудовищный мост для канала.

Пустите по нем поезд,—мост заиграет, как арфа.

А потом веселым маршем на сходку, на сходку мировую.

На лучшую площадь Европы.

Безим, задыхаясь.

И ударьте хором: люди, гудки, kloпочите печи, пойте каменные дамбы.

— Оставить! Учитесь прерывать свой гомон во мгновение.

И кверху же руки, механики-рабочие.

На полюсе созданы строила. Выше гор.

Там волшебники...

Летом на полюсе нет ночей, черные строила в синем свете играют как призраки, ходят за небом и встают черным миражем над раскаленной Сахарой.

Сильнее... Сильней по строилам!

Ломим!

Дымим!

Закаляем!

— Это дома?

— Дом на дом, колонна на колонну, ворота на ворота. Выше неба, до звезд.

— Это шахты?

— До лавы, до самого жаркого безумия земли... роем!

— Княжеский город... Толпы дворцов...

Снести их немедленно! По нашим планам здесь проходит аллея с вишневыми садами по бокам... Через всю Европу. Прогулка через материк будет недурна для уставших.

— Там болота?

— Нам не до шуток: разрыть их, осушить, поставить домны, осветить леса.

— Что за странность: тут нелепая насыпь, железная дорога.

— Подать ее верст на сто.

Но тише,—священная минута: надеваем рабочие блузы.

Гудим враз на весь мир.

И заносим удары мгновенно.

Под убогими мастерскими везде ли заложен динамит?

— Взрывайте бесстрашно.

Хороните вместе с ними тухлые города без дыма и грохота.

А потом собирайте все лучшие чудовища-заводы, бурлящие домны, смелые мосты, вызывающие краны, необъятные корпуса, собирайте их на каменный, на железный митинг.

И в тысячу верст длины,
в сто верст ширины,
скандально-громадный сверх-колосс
построим завод.
Мировой радостный конгресс работников.
Он сам ошеломлен собой.
Вот он, он вырос, он построен.

Он в дыму: горячий и родной смрад его подземного сердца уже дурманит миллионы.

Целые тысячи выбегают из мастерских смотреть на центральные крыши:
«Беса! Беса силы и напора мы хотим!»

Наивная молодежь, раззадоренная песнями труда, хотела спорта работников.

Крыша рухнула...

Из глубины кузниц вставали налитые работой серые бетоны, грузно задрожали и весь живой миллион завода наполнили трепетом мускулов.

— Шатунов, шатунов нам немедленно! переменяла фронт молодежь.

— Стальных! Мы хотим отдаться этим мгновениям.

— Силы и подъема!

В воздухе пронесся гигант-коленчатый вал и с ним яркие, налитые стальной синеватой кровью шатуны.

Они взбесились и каленым шепотом заполонили своды, дворы и туннели завода.

Толпа застыла, а потом врзз закричала безумствуя:

— Все,

И нажм,

И удар,

И подъем.

Все людское отдаем как награду, как приз и как душу...

Вам,

Шатуны.

Толпа прибывала.

Торжество почувствовали даже мастерские с тяжелой, горячей работой.

— Страсти! Безудержной страсти!

Не святоши же мы, чорт возьми.

С края толпы поднялся чумазый и потный дядя и хриплым голосом закричал толпе:

Как-раз я делегат отсюда.

Часть публики засмеялась. Это были чудачки—чернобробие, работавшие на переносках внутри двора.

— Не грохочи. Сюда идите.

Ворота сталелитейных мастерских с ревом раскрылись и ушли в стены.

Плавильные и калильные печи ревели, как сказочные псы-великаны.

Нефть сторада во рту изрыгающих феек и рвалась в наполненные пламенем печи и, казалось, жрала самое себя.

Мастер махнул рукой, жерло печи раскрылось, масса шарахнулась от жары и света.

Она не смотрела, мучилась, билась в жарких скупках вездущий лавы.

В адском шуме нельзя говорить, но мускулы лиц миксовско сыграли один и те же слова у всей громады:

Сжечь-расплавить-донять-победить!

— Молитвы! Молитвы! Закричала иступленная толпа и торжественным хором направилась в простерные и чудесно-высокие котельные мастерские.

По дороге толпы были встречены нигилистами-проповедниками:
и ужели вы снова поверили в бога?

— Чепуха; мы—ловые идолопоклонники; мы хотели поклоняться и воспевать
созданное нами.

Входили в котельные мастерские.

Шум людского рассыпанного разговора под черными сводами—тысяча ударов
по железным струнам.

Потушили все фонари, кроме двух верхних.

И сразу тихо.

Мрачная торжественность колонн.

Черные распластанные тени.

Встревоженные строгие швеллера и балки.

Ни слова команды, ни звука призыва.

Толпа склонилась перед холодным городом железа.

И были слезы,

И была радость.

А. Гастев.

Хроника «Пролеткульта».

Вторая Петроградская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.

(5—9 июня 1918 г.)

Петроградский «Пролеткульт» живет более интенсивной жизнью, чем все другие аналогичные учреждения. Он успел созвать уже две конференции, на которых удалось с большею или меньшею отчетливостью закрепить основные теоретические положения и конкретно наметить текущую организационную и практическую работу.

Петроградский пролетариат сознает всю важность и грандиозность взятой рабочим классом работы по выявлению пролетарской культуры и разработке отдельных ее вопросов; однако, и он отрывается в отдельных случаях от живой действительности и полных великих творческих сил не соизмеряет их с имеющимися налицо в данный момент препятствиями, неизбежно вытекающими из всей нашей хозяйственно-политической ситуации.

Жизнь, конечно, внесет свои поправки в эти планы нового движения и направит работу в надлежащее русло. Теперь «Пролеткульты» только еще рождаются, только еще определяют свое место и роль в истории,—и всякие ошибки, естественно, неизбежны.

Общая революция, принятая единогласно, показывает, что рабочий класс красного Петрограда в общем вполне ясно видит перед собою задачи революционно-культурной работы. Ярче чем на первой конференции она подчеркивает, что «пролетарская культура, выражающая собою внутреннее содержание нового творящего пролетариата—и конечного его идеала—социализма, в дальнейшем своем развитии может строиться только самостоятельными усилиями того же пролетариата, верного своим классовым задачам и воспринимającego жизнь в строгом соответствии с этими задачами».

Эта мысль выпукло подчеркиута и в другой революции, где указывается, «что литературные произведения пролетарских писателей и поэтов, в которых художественно отражена революционная борьба за устроение жизни на социалистических началах, классовая психика революционного пролетариата и отдельных его представителей, есть наша классовая ценность и является вкладом в создаваемую революционным пролетариатом свою пролетарскую культуру».

Отметим попутно и обращение о том, чтобы пролетарские писатели и поэты не отдавали своих произведений в буржуазные журналы и частные издательства. Это важно: необходимо объединить все творчество пролетариата, чтобы не затерялась в чужих руках ни одна ценная крупинка.

Слабо и неточно формулировано другое место этой резолюции, в котором говорится, «что пролетарская культура, создавая форму новой государственной организации—Власть

Советов, обеспечивает интересы, как духовные, так и экономические трудящихся всего мира, следовательно, является культурой всечеловеческой».

Из этих слов читатель может думать, что пролетарская культура уже есть, что она уже смогла создать новую форму правления—Советскую Власть. Это не так. Пролетарской культуры еще нет. Только теперь открывается возможность собрания и объединения разбросанных и недостаточно оформленных ее элементов,—только теперь новая форма рабочего движения завоевывает свои права. Советская власть есть результат по преимуществу политической борьбы, и в своей повседневной работе она жестоко борется с мелкобуржуазной психологией широких масс революционного народа, еще не осмысливших во всем объеме всей сущности переворота. Не различают составители революции и того, что в развитии новой культуры есть два момента; первый, когда пролетарская культура носит резко обособленный, классовый характер,—второй, когда она становится общечеловеческой. По этому вопросу была написана А. Луначарским целая брошюра под заглавием: «Культура классовая и общечеловеческая».

Напрасно конференция призывает пролетариат к борьбе за организацию центра пролетарской культуры на таких началах, чтобы он являлся идейным руководителем всего дела народного просвещения и воспитания.

Центр «Пролеткульта», конечно, необходим, и он создастся на всероссийской конференции и будет автономен. Но вряд ли этому центру придется вести борьбу за свою идейную гегемонию. Несомненно, что пролетарская власть поспешит использовать все ценное, что пролетариат успеет создать в своих недрах. У нас пока должна быть одна забота, чтобы власть с каждым днем все больше и больше и исключительно сосредотачивалась в руках революционного пролетариата, а пролетарская культура создавалась и развивалась. Нет необходимости торопиться захватить в свои руки большие культурные учреждения. Это придет само, если «Пролеткульты» сумеют разрешить возложенную на них историей трудную задачу.

Но это дело будущего и даже не близкого.

Очень важным моментом (теоретически, конечно, практически это еще долго не осуществимо) в революции является идея создать международный «Пролеткульт».

Что касается широкого бесплатного права на обучение во всех учреждениях «Пролеткульта» и бесплатного доступа на все предприятия культурно-просветительного характера, то вряд ли это удастся осуществить теперь, в момент финансового кризиса.

Некоторые коррективы к указанным недостаткам вносит резолюция по клубному отделу. В ней больше исторической перспектив и хронологической последовательности. В ней указывается, что Центральный Социалистический Клуб при «Пролеткульте» и

«Пролеткульт» являются естественным и неизбежным увенчанием всей самостоятельной культурно-просветительной деятельности Петроградского пролетариата, начиная с 1905 года до Великой Российской Революции и в революционный период, переживаемый нами».

Тов. Шляхов рано торопится ликвидировать Академию Наук. Верно, что она — дитя буржуазного общества, что она заражена соответствующими болезнями, но она еще нам нужна и нечем ее в данный момент заменить. Пролетариат не обладает достаточным количеством научных и технических сил. Предложение тов. Шляхова грешит тем же, что и общая резолюция: он полагает, что пролетарская наука уже нαιццо; фактически же только идет борьба за нее; до сих пор пролетариат смог наложить свой идейный отпечаток только на науки общественно-политическо-экономические.

Познее и яснее чем на 1-й конференции редактированы тезисы т. Игнатова о пролетарском театре. На этот раз определено и четко указано, что «пролетарские театры рассматриваются, как могучее средство в борьбе за устройство жизни по воле рабочего пролетариата и как средство глубоко социалистического воспитания масс».

«Искусство для искусства», т. е. буржуазное искусство забавы, тончайших развлечений, сотканное из томных вздохов, больных и слепых исканий, из эгоистических желаний и разнузданных страстей, не может иметь места в театре рабочего пролетариата».

Исходя из этих принципов, автор тезисов намечает и репертуар рабочего театра. Он указывает, что должны ставиться пьесы, пробуждающие в массах творческую энергию, радостное восприятие жизни, бодрость в борьбе за социалистическое будущее. Пролетарские театры должны воспеть созидательный труд человека-творца и красоту социалистического будущего.

Касаясь репертуара буржуазного театра, автор говорит в своих тезисах следующее:

«Из репертуара классических пьес, бытовых, художественных пьес и из художественно-ценных пьес вообще, в репертуар пролетарских театров могут войти только те пьесы, которые не идут в разрез классовым задачам пролетариата и не подвергают зрителя в тоску и уныние».

Нам думается, что тов. Игнатов не совсем точно формулировал свои мысли. Неужели он думает, что на пролетарской сцене не следует ставить «Ревизора», «Скупного Рыцаря», «Горе от ума» и т. п.? А ведь это все такие пьесы, которые вселяют не только тоску и уныние за наше прошлое, но ужас за живших тогда людей. Мы полагаем, что из буржуазного репертуара пролетариат должен взять все, что в более или менее художественной форме правдиво рисует пред ним прошлое и дает ему возможность это прошлое понять и оценить.

Несмотря на некоторую неточность и неясность в формулировках отдельных положений и отразившуюся в резолюциях детскую боязнь молодого движения, последние, несомненно, свидетельствуют о росте Петроградского «Пролеткульта».

Мы сознательно остановились исключительно на теоретических вопросах, оставив в стороне решение практических вопросов. В решении последних сказалось, с одной стороны, желание как можно шире поставить работу, не считаясь с имеющимися возможностями, с другой стороны, в недостаточном внимании к отдельным весьма важным сторонам повседневной работы. Но об этом подробно будет вестись разговор на всероссийской конференции.

Вторая конференция, как и первая, прошла с большим воодушевлением.

П. Л.

В провинции.

Товарищ, рассказывая о начинаниях Кизилевского Совета на Урале в области культурного строительства, говорит: «Неуч и лаптя не сплетет. Вспоминается время (еще не так давно прошедшее. На скамье сидит старикашка и учится. Что его заставило пойти сюда? Он захотел лучше понять окрестный мир, лучше развить свой кругозор и шире поставить свое миропонимание, — и мне, рядом сидящему молодому человеку, никогда этого не забыть. Я дал себе клятву, что всю свою жизнь буду учиться, будут ли то курсы или домашнее образование, несмотря ни на что, пойду к заветной цели». Но какие же цели преследует при этом рабочий, — простое ли усвоение уже существующей культуры, или творчество ее новых форм? Здесь мнения делятся. В речах при открытии Ростокинского рабочего университета в Москве указывалось на необходимость закрепления революции культурной работой, что культура, прежде бывшая достоянием только буржуазии, становится достоянием пролетариата. Здесь мы видим только просветительные задачи. Иное, уже о творческих задачах стоящих перед рабочими, говорит товарищ из Кизилевского Совета: «Теперь, когда нам самим приходится творить и создавать новые формы жизни, нам необходимо учиться. Мы увидим, как прекрасна жизнь, познаем тайны мира, освободимся из гнета нужды и невежества; из нашей среды выйдут новые таланты, вооруженные борцы. Итак, товарищи, да здравствует свет знания, идем рука об руку и будем учиться». О творческих задачах говорит и Пензенский Совет профессиональных союзов в своем приглашении на собрание для объединения всей культурной работы рабочих г. Пензы: «Иначе (без знаний и культуры) мы погубим сами все завоевания, так дорого доставшиеся нам. А задачами является создание новых и лучших форм общезнания». Созданием художественной студии товарищи во Владимире пытаются соединить обе эти задачи.

Вот обстановка этой работы. «В большой комнате собираются дети, взрослые; не чувствуя указки преподавателя, свободно, легко вывывая свои мысли на холсте, на бумаге, в красках, стараясь запечатлеть красивое, чистое. Многочисленные модели простые, гармоничные разбросаны повсюду, и студенты рисуют все то, что им захочется. Пепел в другой комнате, при чем особенно детишки стараются. Грибы, горшки, козы,

львы неумело выходят из их ручек, но видна любовь к искусству, незаметно направляемая опытными преподавателями; она найдет путь к технике для проявления своего чувства. Там свободно, и это важнее всего. Там пролетарии могут претворить свои думы о полях, о фабриках и высоких трубах, нем в кровь впитавшихся. Но это, увы, редко пока встречается.

Обычно же мы видим такую картину. После торжественного открытия или, как это было в Козлове, после целой серии торжеств, связанных с устроением железнодорожниками двумя днями просвещения, наступают будни. Интересно еще тут же попутно отметить, кто является организатором новых культурных форм. Про деревню обычно следуют указания на роль вернувшихся с фронта; только в одном случае мы нашли указание на организацию кружка под руководством сельского учителя. Эту будни с непрерывным отливом членов и посетителей вызывают недоумения и часто негодующие возгласы. Так молодой пролетарий в Петрограде под характерным заглавием «Для чего жэ вас выбрали?» протестует против отсутствия работы со стороны культурной комиссии и заканчивает: «стыдно, товарищи! так не делают!» Пензенские профессиональные союзы, с возманием которых мы знакомимся выше, жалуется на пропуск заседаний. И эта жалоба идет всюду. Иногда, в редких случаях сталкивается старая стихия и мешает работе; так, в Липовке Моршанского у. «на пути работы ставят тормоза, частью от несознательности, частью нарочно, называя это религиозным развратом». В Матове Костромской г. против кружка «поп и кулаки: дескать анархизм и сокрушение веры». Но отлив слушателей—факт, и его надо попытаться объяснить. Мы полагаем, что здесь все заключается в том, что мы работаем старыми шаблонами чисто просветительной работы. И только там, где рабочие привлечены к активной работе, когда эта работа ставится по слушателям, получают хорошие результаты. Активность—вот вопрос жизни и для чисто просветительной работы. Посмотрите в часы занятий художественную или театральную студии Московского Пролеткульта. Как много жизни, движения, какое написано на всех лицах оживление и серьезное творческое отноше-

ние. Или вот еще пример Богородского Уездного Университета: устроители в основу своей работы положили активный метод, и результаты налицо,—аудитории все время росла, а не таяла, что мы наблюдаем обычно.

На наших страницах мы очень рады отметить этот переход от пассивного восприятия к творчеству. Здесь громадную роль должны сыграть свои органы печати. Каждый рабочий университет должен иметь свой орган, на страницах которого обсуждалась бы академическая жизнь новой студии пролетарского творчества.

Причину неуспеха лекций мы видим в их оторванности от жизни. Вот почему так укрепляются все технические и специальные курсы. Такие технические курсы создали в Москве металлисты и текстильщики; астраханские товарищи-слушатели вечерних технических курсов издают даже свой журнал—«Техник-Рабочий».

Все это вынуждает нас делиться добытым, выработать сообщая новые методы, и в этом мы видим одну из главных задач объединений наших Пролеткультов. Их строительство продолжается: объединение создается трудами профессиональных союзов в Пензе, в далекой Кемии открывается отделение Пролеткульта. Были съезды в Иванове, в Смоленске для создания губернских и областных центров, в последнем случае—Пролеткульта Западного края. На осень назначена конференция в Питере для создания Северного Пролеткульта. Петроградские товарищи мечтают уже об Интернациональном Пролеткульте, во главе которого после конгресса должен стать международный совет пролетарской культуры. Все эти факты говорят об осознанной культурной задаче современности пока только единицами, и от активности работников будет зависеть ее пропаганда. Надо только всегда помнить, что под лежащий камень и вода не течет, и не бояться ошибок. При товарищеской критике и помощи они не страшны.

В заключение нашего обзора мы обращаемся ко всем работникам пролетарской культуры с просьбой сообщать нам про свою работу, не стеснясь формой и обращая самое главное внимание на то, как проводятся в жизнь культурные начинания и насколько в них проявляется активное участие широких рабочих масс.

Ст. Нривцов.

Библиография.

Литературный Альманах. Издание «Пролеткульт». Петроград, 1918 г.

Полученный нами «Альманах», в котором собраны лучшие произведения петроградских писателей и поэтов рабочих, группирующихся около журнала «Грядущее», производит очень хорошее впечатление. Составлен он довольно разнообразно и читается с большим интересом, хотя в нем и нет новых тем и новых мотивов, которых бы мы не

встречали у сотрудников «Альманаха» раньше. Чувствуется, что представленные на суд читателя вещи написаны в разное время; одни до революции, а другие в самые последние дни. Следовало бы ставить даты, чтобы критика легче могла выяснить, что внесла нового в рабочую поэзию наша революция,—какие настроения и думы ушли в область прошлого и уже не будут тревожить и волновать сердце поэта, какие родились в твор-

ще-разрушительном вихре событий, как элементы новой рабочей психики.

Первая часть «Альманаха», в которой собраны поэзия, начинается стихотворением В. Кириллова: «Мы». О нем говорилось подробно в № 1 нашего журнала. Сильное, яркое оно полно глубокой, активной, полной энтузиазма веры в мощь коллективного труда, в красоту грядущей жизни. Дух революции реет над каждой строкой, над каждым образом:

«Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной
красотой»...

«Медом чудесны мы напоили мы доверху соты,
Нашей планете найдем мы иной, ослепи-
тельный путь.

Любим мы жизнь, ее буйный восторг объяс-
няющий,

Грозной борьбой, страданьем наш дух за-
кален—

Все—Мы, во всем—Мы, Мы пламень и свет
побеждающий».

Эти мотивы с большей или меньшей силой, смотря по времени написания, вылились и в других поэтических вещах. Авторы не только констатируют безотрадность жизни для них в буржуазном обществе, но и видят выход к светлому будущему. Им они живут. За него борются.

Стихотворение Самобытника: «Жизнь» проникнуто настроениями прошлого. В нем нет бурной силы борьбы, а скорее чувствуется налет грусти и созерцательной надежды на будущее. Возможно, что стихотворение написано еще в дореволюционный период. Поэт в «зловом грохоте машин» «подслушал клич призывный к новой жизни», а «в сводах сумрачных» предугадал «рождение многих-тысячных дружин». Поэт не ошибся.

«И в моей каморке тесной,
Каждый день, по вечерам,
Расцветает мир чудесный
Вольной жизни светлый храм».

утешал себя поэт после мучительного трудового дня на заводе. Теперь этот «мир чудесный» расцветает не только в каморке и мыслях, но повсюду кругом нас и расцветает ярко, если мы окажемся умелыми и достойными хозяевами жизни. А такими быть мы должны и будем. «Могучий Самсон» не только притаился и ждет у высоких колонн, полон гнева, как пишет Н. Отсоло, он уже утверждает новую жизнь, и «труд свой буннично-суровый в пышный праздник превтворяет, в просторах нив, в полях безбрежных, ее красные цветы».

В сборнике имеются еще стихотворения С. Ефремова (Горемыка), безвременно погибшего на фронте. Они навеяны солдатской боевой жизнью; основной мотив их поэт выразил в следующих строках:

«И бредут изнуренные люди
С жутким взглядом бездонной тоски».

Поэт предчувствовал свою смерть, силы его слабели, мотивы борьбы уступали состоянию безнадёжности:

«Дай в сугробах нам тихо уснуть!
Пусть кручина туманом не стелется
И не давит солдатскую грудь»...

Вот его последнее желание.

Ярко написаны и другие вещи: «Метелица» А. Крайского и «Сорочины» Тихомирова. В последнем чувствуются деревенские настроения.

Все смещенные в сборнике стихотворения говорят о талантливости поэтов, об умении их воплощать свои думы в образах и строю музыкальных красивых стихах, хотя и не новых по своей форме, но далеко превосходящих некоторых вознесенных поэтов из буржуазии. Не надо забывать, что некоторые из участников «Альманаха» малограмотные и социальное положение их: сторож дома.

Что касается второй части «Альманаха» — прозы, то в ней не чувствуется совсем духа революции, не видно совсем даже тех новых черт в рабочей психике, которые своими глубокими корнями питались еще в дореволюционном периоде. Темы взяты из далеких от наших дней быта и настроений, но это не мешает утверждать, что представленные вещи написаны художественно, правдиво. На первое место следует поставить «Детство Кузьки» П. Бессалько. Прекрасный, живой и образный, но без всяких выкрутасов язык свидетельствует о бесспорной талантливости автора. Но схематизм, который сильно сказывается в «Катастрофе», налицо и в «Детстве Кузьки». Благодаря ему получаются недоговоренность, неполнота образа, психологические скачки и даже противоречия; произведение в целом, несмотря на свою ценность, все-таки имеет вид незаконченного, до конца не выношенного. Не следует торговаться скорее печатать свои вещи. Об этом придется сожалеть в будущем самому автору.

Живо и свободно написан рассказ М. Юфкина-Досова—«Мастер в гостях». Герой рассказа рабочий Гнуткин, на которого «достаточно было строго взглянуть, чтобы он задрожал и сжался», доносчик на своих товарищей, являющийся пред мастером, чтоб добиться лишнего пятака к заработной плате, приглашает к себе в гости мастера своего завода. Польщенный, он выдает своих товарищей в их будничной и мелкой борьбе с мастером. Мастер от удовольствия—расправы со своими врагами—потирает руки, хвалит Гнуткина и обещает ему набавить целый другивенный. Польщенный Гнуткин старается еще больше. Он подзывает своих детей и в угоду мастеру заставляет их петь и танцевать; когда же те отказываются и плачут, бьет их и неистово ругает. Неожиданно в пьяном Гнуткине просыпается человеческое достоинство, он с болью в сердце сознает гнусность своего поведения и выгоняет взамен приглашенного мастера.

«Хотелось жизни хорошей, этакой... Чтобы с солнышком... Человека я тоже... Надоела конура... Плевки надоели, все...

Он сел, посмотрел без причины на стол и, тяжело вздохнув, добавил:

— Н-и-да-а... Захотел поправиться, да не на ту ногу попал,—на перекосы взялся...

Потом запер комнату, усевшись к столу, думал, пил, ругался, стучал по столу кулаком и плакал».

Совершенно особо стоит рассказ Н. Липина: «Материн выводок». Написан он красиво, сочно. Но как самая тема, так ее разработка и стиль взяты у чуждого пролетариату класса. Сильно скίζεται на авторе влияние Бориса Зайцева. Чем скорее это влияние будет искито, чем скорее автор найдет свою дорогу, тем скорее он сумеет подметить в рабочей среде то глубоко-интимное, что ускользает от других авторов, певцов борьбы и новой жизни, и закрепить это новое в той или другой художественной форме.

В. П.

К. Тимирязев. Красное знамя. Изд. «Парус», Пгг. 1918 г. Цена 1 р.

Броню на написана человеком, которому уж 75 лет. Безопасное, жестокое время крико накинulo свои цепи на его тело, и все-таки страницы «Питича» полны молодого, яркого, неподдельного энтузиазма, непоколебимой веры в победу и торжество свободного труда и Красного Знамени, символа братства народов.

Автор один среди той «передовой» демократии, которая после октябрьского переворота стала саботировать народ, нашел в себе достаточно мужества, чтобы решительно, без всяких колебаний встать на сторону трудовой демократии, — пролетариата и крестьянства. Всегда чуткий к ее запросам, он сумел ориентироваться среди бушующих политических страстей нашей революции, сумел оторваться от людей его положения, чтобы мыслить и страдать вместе с революционным авангардом.

Автор не боится, «что станет говорить... нет, читатель, «не княгиня Мария Алексеевна, а сам князь Петр Алексеевич» (Крапоткин). Он страстно борется с идеологами войны, с противниками Красного Знамени.

Обращаясь к разному рода империалистам — социалистам и просто демократам, К. Тимирязев разит их в самое сердце. Он пишет: «Имейте и вы, наши строгие судьи, храбрость высказывать свои мысли также до конца. Скажите откровенно: дайте нам перебить еще несколько миллионов людей... Дайте нам перевести миллиарды из сумы трудящихся в золотые мешки миллиардеров или в сундуки их миллиардных синдикатов. Дайте им водворить царство золота и лжи, железа и крови».

Полный нравственной силы, пред изумленными своими врагами он бросает пламенный призыв народам: «Воспряните, народы, и подчитайте своих утеснителей, вырвите из их рук нагло отнятые у вас священные права ваши».

Он клеймит и сэра Эдуарда Грея и Ллойд-Джорджа и Родзико и Милюковым, и Керенского за его предательскую разгрузку Петрограда и преступное наступление 18-го июня 1917 г. и многих других. Его ум не мирится с тем положением, что правящие классы торгуют народами и их кровь обращают в золото. Он клеймит недостойную комедию Московского совещания, парламент, который прописки зовет Булыгинским, высмеивает «законную преемственную» власть коалиционного правительства и признает неизбежность октябрьской революции.

Красное Знамя зовет его к себе: «Только одноцветное и именно Красное Знамя до сих пор знаменовало собою страшное для всех врагов демократии единение демократий всего мира». «Поборники порядка, защитники церкви и государства не раз топили его в крови, само оно только оборонялось и звало человека неизменно вперед. Не смерть, а жизнь несет с собой это Красное Знамя». С глубокой любовью вспоминает автор те моменты своей жизни, когда он видел это Красное Знамя под ярким, пленительным небом Италии, в мировой столице Париже и, наконец, в Москве «в навеки памятный день 1-го мая 1917 года».

На ряде опытных данных ученый-гражданин приходит к выводу, что из всех волн лучистой энергии солнца, красные волны обладают наибольшей работоспособностью; именно «они производят ту химическую работу в растениях, благодаря которой возникает возможность жизни на земле».

«И не достойно ли удивления, пишет он, что, созвав впервые свою творческую силу в процессе строительства будущих судеб человечества, трудовые массы избрали символом этой силы именно тот же красный цвет, «избранный мировой демократией эмблемой своей творческой силы в создании грядущего общества». «Да послужит он навсегда эмблемой единения демократий всего мира и символом единения между силой знания и мощью труда».

Политическая мысль не всегда, конечно, выражена так точно, как хотелось бы нам, но это несколько не мешает горячо рекомендовать брошюру К. А. Тимирязева. Ее должна иметь каждая рабочая библиотека, ее должен прочесть каждый рабочий. Жаль только, что она издана слишком дорого, даже по современным ценам. Но в этом виновато, конечно, издательство.

А. О.

Известия Московского Пролетарского Унверситета. Духоведный журнал № 1. 1 июля 1918 года. 24 стр. большого формата, 4. 2 р.

Чем рабочий класс резко выделяется среди современного общества? Духом своей классовой солидарности. А что мы видим в буржуазной среде? Как раз обратное явление: постоянное личное выступление вопреки интересам общго. Политическая партия пролетариата гордится своей железной дисциплиной при величайшей самокритике, а буржуазия, наоборот, ненавидит стеснение личности партийной дисциплиной и одновременно с этим не выносит никакой самокритики. Эти мысли пришли нам в голову при взгляде на указанный выше журнал.

На наших страницах мы стараемся всесторонне подметить, выявить и объединить элементы новой рабочей культуры и поставить эти пока робкие ростки в благоприятные условия, но выдавать свои построения за пролетарскую культуру или еще того хуже «помогать» рабочим в выработке основ ее мы не думаем. Творчество культурных форм идет всегда незаметно, в тайниках коллектива. Правда, выявляется она через отдельных представителей данного класса, но создать культуру со стороны нельзя.

Подобная мысль будет типичнейшей буржуазной выдумкой.

Мы с горечью должны констатировать, что группа московских педагогов во главе с Паушкиным, группа чисто-интеллигентская, берет на себя смелость «выработать пролетарский идеал» и «создать культуру класса». Промехи своей мысли, еще неосвободившейся от влияния буржуазных, они выставляют под названием пролетарской культуры. Когда напечатанные программы были представлены на просмотр лекторской коллегии М. С. Р. Д., то она единогласно отнеслась к ним самым отрицательным образом и потребовала полной переработки их. Когда 1.500 человек-пролетариев, привлеченных самим названием университета, записались в университет, и настало время его открытия, то выяснилось одно любопытное явление. И слушатели есть, и программы есть, да еще какие, только нет лекторов. И вот лектора М. С. Р. Д. решили прийти на помощь рабочим и стали читать свои лекции и уже, конечно, по своим программам.

Но авторы программ, несмотря на запрет М. С. Р. Д., все-таки решили выпустить свои творения и увековечить свои имена. Это заставило советских лекторов сложить с себя всякую ответственность за содержание программ, послав об этом письмом в «Известия Ц. И. К.».

Переходим к указанию недочетов и промахов программ. Мы далеки от мысли исчерпать все их содержание, но кое-что мы все же отметим. В № 1 вошли программы по ряду наук: по истории литературы Паушкина дается подробный конспект содержания первых трех лекций, должностующих дать изложение методов науки (метод исключительной тенденциозности) и литература первобытного коммунизма. Последнее крайне интересно и с привлечением данных этнологии может дать громадный материал для выяснения значения формы в искусстве, но автор считает, что пролетариату нет дела до формального содержания произведений искусства и тем отмечает труды Потебни, Александра Веселовского и Овсяннико-Куликовского, а эти труды многое дают для выяснения метода марксизма и его превосходства над другими методами. Надо указать, что все авторы берут метод Маркса, как схему, и весь материал распределяют по 4 ступеням экономического развития: коммунизм, феодализм, капитализм, социализм. Так Станишевский излагает сверх-модернистическую историю. К примеру: история афинского союза у него идет рядом с образованием германской империи. Автор при этом говорит, что все народы обязаны пройти один и тот же путь. Робкий читатель

и задастся вопросом,—раз это так, то почему же для нас вы декретируете социализм, а ни в Риме, ни в Греции его не было. Именно так строят немецкие буржуазные историки свое изложение, что вызвало одно едкое замечание Маркса в одном из примечаний в 1-ом томе Капитала об основной методологической ошибке Момзена. В «Известиях» даются две записки по истории, при чем по первую сама редакция говорит, что она отвергнута.

Кашинцев общает своим курсом географии «даты основы социалистического миропонимания». Исходит он из известного предисловия: «К критике политической экономики», но ему остались неизвестны меткие замечания Маркса в «Капитале» о значении географической среды. По его программе из всех наук самая главная география, т. к. «новая география должна дать картину человеческого общества снизу до верха, от экономики до эстетики». «Все должно быть взято на учет». География должна дать картину «напряженной атмосферы кануна войны», при чем к этой картине привлекаются и «чуждые по положению мировые персонажи—Соединенные Штаты Америки и Япония». Свои измышления автор выдает за новое в науке, но, увы, ему чужда современная география с ее разветвлениями на отрасли. Известно ли ему понятие—искусственный ландшафт, с которым имеет дело антропогеография, или термин «остров» у Брюна. Боимся, что нет. Окуньков в своем курсе природоведения обещает ввести в курс основные понятия о природе; самая же программа обещает познакомиться с такими интересными вещами, как: дарами земли первобытному человеку, с природными товарищами. Паразиты, сапрофиты и симбиоз излагаются за открытием Америки. Экономический грабег Америки стал фактором первичного накопления и потому не был явлением паразитаризма и т. п. Жуковский «неуклонно» решил статью на путь новаторства, на путь освобождения математики от буржуазной плесени и оживотворения ее. И это заявляется сейчас же после указания на отсутствие материала для нашей цели. Самые же программы Жуковского по математике и физике, особенно первая, встретили гомерический хохот в советских уждениях.

Однако довольно. Нам страшно делается за пролетарскую культуру. Впрочем, еще одно замечание; последнее. Непризнанные пионеры еще дошли до того, что выхлопотали себе право на печатание объявлений и скромно превратили «Известия» в орган, где буржуазные фирмы могут печатать объявления о своих операциях, о сдаче торговых помещений и о покойниках. С. Д.

Редакция журнала просит присылать ей для отзыва рабочие журналы и сборники пролетарских писателей и поэтов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В «Известиях Всеросс. Ц. И. К-та» № 147 появилась рецензия на первую книжку нашего журнала за подписью К. З. Сущность этой рецензии формулируется так:

«Общий характер журнала «Прол. Культура» — эклектический, невыдержанный, носит отпечаток заговорщических тенденций, отражая не столько развитие пролетарского творчества, сколько потуги оторванной от пролетарских масс интеллигенции».

Таков и весь тон рецензии. Уровень ее полемики можно характеризовать следующими выдержками из нее.

По поводу выражения редакции — «рабочий класс разными путями идет к мировому социализму», при чем были перечислены эти пути — экономическая, политическая, культурная борьба, — автор говорит, что «марксисту трудно понять существование разных путей к осуществлению социализма; может быть только речь о разных средствах к облегчению исторического процесса», и т. д. Марксизм для автора сводится к тому, чтобы употребить слово «средство», а не «путь». К. З. следовало бы чуть-чуть вникнуть в сущность марксизма и речей наших ближайших товарищей, чтобы понять, что пишут, и без смысла не взывать к марксизму.

По поводу выражения редакции, «мы верим, что коллективная сила пролетариата все преодолет, всего достигнет», автор говорит: «верить может только представитель религиозного течения, марксист же может быть убежден». Совсем какой-то раскольник-пустосвят, занятый всецело даже не смыслом, а буквою слов.

Берутся слова редакции — «дать классу целостное воспитание, непреложно направляющее коллективную волю и мышление, может только выработка самостоятельной духовной культуры». Смысл ясен: рабочий класс должен вырабатывать свою культуру. Автор рецензии, пишет:

«Редакция... видит задачу Пролеткульта в *выработке* пролетарской культуры. Уже такая постановка вопроса вызывает недоумение у читателя, привыкшего пользоваться марксистским методом мышления. Может быть речь об обобщении имеющихся налицо элементов пролетарской культуры и способствовании ее дальнейшему развитию, но не о *выработке*». В этом автор и видит «вульгарно-заговорщическую» точку зрения редакции.

Не говоря уже о том, что и обобщение элементов культуры есть один из процессов ее *выработки*, никакая пролетарская организация не может и не должна отказываться от участия в творческом деле пролетариата; а обозначать *выработку* его культуры как «вульгарно-заговорщическую» задачу, лишать рабочий класс права на нее способен только очень озлобленный против пролетариата интеллигент.

Полагаем примеров достаточно. Более низкий уровень полемики представить себе трудно. Редакция не стала бы, конечно, и упоминать об этой рецензии, если бы она не появилась, непонятным образом, в Центральном Органе.

Про таких критиков К. Каутский давно еще писал: «стараться вразумить глупость и злобу — напрасно. Мы могли бы писать до мозолей на пальцах, и все бы нам не справиться с этим делом».

Издатель —

Орг. бюро по созыву всерос. конф.
пролет. к.-пр. организаций.

Редактор —

Редакционная Коллегия.